

Наш человек так
устроен, что своя
фамилия, своя
нация для него
привлекательнее.

(С. 4)

Включать в поисках
истины телекамеру
так же наивно, как
включать с той же
целью телевизор.

(С. 38)

ДАГЕСТАН

№11 (146)
НОЯБРЬ 2017
journaldag.ru

*«Мурар»
Анвар Т.
2017 г.*

In memoriam

Магомед-Расул

Ушёл ещё один «последний из могикан» великой советской дагестанской литературы. Ушёл Магомед-Расул. Народный писатель. Долгие годы — главный редактор и директор Дагестанского книжного издательства.

Ушёл ещё один мой старший друг. Он был рядом многие годы, ободряя и поддерживая не только меня, но и многих дагестанских писателей моего поколения.

Магомед-Расул написал свои лучшие книги в XX веке. Его полёт был в небе XX века, но присоединился он к клину белых журавлей в XXI.

С детства помню его книгу «Раненая ласточка», с предисловием Льва Кассиля – классика детской литературы. Потом были «Хартум и Мадина», «Дикарка», «Горная гвоздика», «Отец пророка» и другие книги.

К «Дикарке», повести, напечатанной в журнале «Юность», предисловие написал великий Чингиз Айтматов. Тираж журнала был несколько миллионов.

Магомед-Расула читали, его знали, его любили.

Любитель, ценитель и обожатель Льва Толстого, он часами мог говорить о нём, о «Войне и мире», о «Хаджи-Мурате». Он радовался удачам друзей-писателей и писал им открытые письма. Он понимал талантливых людей и любил их.

Магомед-Расул был замечательным дагестанцем, горцем, кубачинцем. Он помогал землякам как мог. В дни горести и радости был рядом с ними. Любил семью, детей, внуков. Был хорошим отцом и замечательным дедушкой.

И в жизни, и в литературе его тёплый юмор согревал окружающих его людей.

Ушёл Магомед-Расул. Ушёл, чтобы остаться. Он останется, пока есть Дагестан, пока есть литература, пока есть мы, помнящие о нём.

Магомед Ахмедов,
председатель СП Дагестана,
народный поэт Дагестана

Содержание

- Наида Хаспулатова*
4 Смена вектора
- Тамерлан Магомедов*
8 Чистильщик и СМИ
- Андрей Меламедов*
11 Его премьер –
другим наука
- Наида Хаспулатова*
16 Карабудахкент.
Люди земли
- Генезис*
23 Этика этноса
- Влада Бесараб*
30 Свадебное
путешествие
в Цущар

Фото в номере: Руслан Алибеков, Владимир Севриновский, Мария Шерматова, Разият Идрисгаджиева, Галина Алилова, Гаджикурбан Расулов

16+

ДАГЕСТАН

№11(146) ноябрь 2017 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор)

67-02-08 (отделы)

E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001

УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)

Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001

Назначение платежа:
13500000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

38 Мама, мы все
сошли с ума

Владимир Севриновский

54 Размышления
с Магомедом Гамзаевым

Магомед Ахмедов

46 Агитпроп

Борис Войцеховский

58 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

49 Время кумуза

Влада Бесараб

62 Лирика

Аминат Абдурашидова

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Наида Хаспулатова

СМЕНА ВЕКТОРА

Гаджимет Сафаралиев — наиболее опытный дагестанский депутат Госдумы. В высший законодательный орган России — уже в пятый раз! — избран от партии «Единая Россия». Профессор, физик, доктор физико-математических наук. Давно и хорошо знаком с временно исполняющим обязанности главы Дагестана Владимиром Васильевым — по работе в Госдуме, в партийной фракции ЕР. Поэтому первым делом мы у него спросили о новом главе.

— Гаджимет Керимович, почему всё же столь неожиданно сменили руководителя Дагестана?

— Когда сюда рекомендовали Рамазана Абдулатипова, ему были даны поручения. Видимо, руководство страны почувствовало, что дела идут не так, как хотелось бы. Что-то он сделал, что-то не сделал, хотя понятно, что кардинально изменить ситуацию он не мог. Вероятно, Президента России не устроили результаты, хотя награждение Абдулатипова уже после отставки орденом Александра Невского означает, что положительные моменты его работы заметили и отметили.

Нужен был толчок, изменение вектора развития Дагестана. Республика — очень важный приграничный регион с трёхмиллионным и многонациональным населением. Когда в Сирии закончится операция по уничтожению ИГИЛ (запрещённая в РФ организация), могут вернуться выжившие дагестанские боевики. Поэтому безопасность для нас — один из ключевых моментов.

Президент России сделал неординарный ход, когда назначил Владимира Абдуалиевича временно исполняющим обязанности Главы Республики Дагестан. Многие думали, что следующим главой будет опять кто-то из дагестанцев — называли Сергея Меликова, других известных людей. Ведь

руководителями Дагестана всегда были кадры республики. Последнее время это были — непонятно почему — представители только двух народов, хотя Дагестан, повторюсь, многонациональный. 68 лет Дагестаном руководили только дагестанцы. Ну и что, мы процветаем? Вот и кадровая политика немножечко изменилась...

Нельзя упираться только в национальный момент, хотя учитывать его надо. Наш человек так устроен, что своя фамилия, своя нация для него привлекательнее. Это этнический эгоизм. Васильеву нет нужды тащить в Махачкалу за собой всю свою родню, как у нас часто бывает.

За последнее время в 12 регионах, в том числе и в Дагестане, губернаторы — независимые от местных элит лица. Допускаю, что такой вот свежий, незамыленный, взгляд позволит определить и исправить ситуацию.

— Владимира Васильева вы знаете давно и хорошо. Как вы считаете, сможет ли он что-то изменить в Дагестане?

— Владимира Абдуалиевича назначили потому, что он человек опытный. Был главой думской фракции, председателем комитета Госдумы по безопасности. Будучи заместителем секретаря Совбеза и заместителем министра внутренних дел России, работал в Дагестане в тяжёлом 1999 году. Он

очень выдержанный, серьёзный, глубокий человек, никогда решения наобум не принимает, — только со всех сторон изучив проблему. Ему будет непросто, потому что в регионе многое надо сделать. Я считаю, что его назначение — это благо для Дагестана. Мы получили федерального политика высокого уровня, а это большой плюс. Имея авторитет руководителя фракции «Единой России» в Государственной думе, он сможет сделать то, что не по силам другому. Особенно там, где это касается бюджета и включения в различные федеральные программы. У нас уже побывала министр образования, сейчас вереницей потянутся другие федеральные министры — посмотреть на ситуацию на месте.

Очень важно, что, во-первых, под него дадут дополнительные деньги республике и, во-вторых, он не даст их разворовать. Васильев прекрасно понимает, что у нас происходит. Думаю, что силовой блок меняется тоже по согласованию с ним. В этом случае Васильев сможет успешно координировать работу правоохранительных органов, поддерживать высокий уровень безопасности, что даст возможность развиваться экономике. Раньше выходило, что глава республики сам по себе, а силовики, поскольку они федеральные, сами по себе. Сегодня во главе республики стоит силовик высокого уровня, поэтому будет скоординированная работа, в том числе и в отношении борьбы с коррупцией. Мы получаем большие трансферты из центра, важно, чтобы они все были реализованы в объектах. Уверен, что при Васильеве они будут построены и при этом ни один рубль не уйдёт налево. А как только народ увидит, что открылась школа, больница, он поверит в изменения. Очень важно, чтобы народ чувствовал, что руководитель держит слово, что его уважают в центре и в соседних регионах.

Кстати, ожидания у людей по поводу нового главы большие, все воспринимают его назначение сюда положительно. И результат будет, я вас уверяю. Кроме того, он доступен для людей, ему чужды помпезность и официоз, из-за которых легче попасть к королю, чем у нас — к губернатору.

В назначении Владимира Васильева врио главы, я думаю, три момента очень важных и полезных для Дагестана. Давайте их зафиксируем.

Первый — успешная координация действий правоохранительных органов и безопасность. Второй — репутация, узнаваемость и доверие со стороны федеральных органов власти, в том числе и в вопросах финансирования. И третий момент, — не являясь представителем одного из наших этносов, он может объективно рассматривать кадровые вопросы исключительно с точки зрения

эффективности каждого человека. Плюс — справедливое и сбалансированное распределение средств господдержки по муниципалитетам.

— Многих удивляет, почему новый глава всё ещё не поменял министров и глав районов. Тем более трансферты будут реализовываться через тех же самых людей, и ничего не поменяется.

— Я думаю, что и главы районов и городов, и министры будут меняться. Отсрочка для них — не более чем возможность проявить себя. Если человек эффективен и чист, то зачем его убирать? Если всех уволить — кого назначить? Да и главе нужно какое-то время, чтобы понять экономику, вникнуть в ситуацию в отраслях, оценить эффективность работы нынешних министров. Он привлекает людей из центра для оценки качества работы и понимания, справляется или нет руководитель структуры. В прошлом правительстве министров меняли как перчатки. Но это тоже ненормально: не уверен в человеке — не надо назначать, доверил — дай ему работать. Так что замены будут, но без размахивания шашкой.

Заметили, наверное, — Васильев говорит непривычно для нас: негромко, спокойно, но очень содержательно. Его выступления

надо внимательно анализировать. У него хорошие помощники, которые изучают блогосферу, СМИ, влияние СМИ на население, результаты социологических опросов. Всего два месяца прошло!

— Как Владимир Васильев воспринял это назначение? Вы ведь наверняка говорили с ним об этом?

— Как человек военный, которому Президент сказал: «Надо». Конечно, администрация президента кого-то лоббировала, другие группы влияния, но Путин всегда выбирает сам. Для Владимира Абдуалиевича работа в Госдуме была привычной, налаженной, но новое назначение — это

большое доверие со стороны Владимира Владимировича.

— Васильев заявил, что принял решение по проекту бурения скважин около Самурского леса, против которого бурно протестовали местные жители. Вы сами непосредственно занимались этим. Так какое всё-таки решение Самурского вопроса предлагает глава?

— Насколько я знаю, было принято решение ещё раз сделать экспертизу и посмотреть, какой ущерб нанесёт Самурскому лесу откачка воды. Есть разные точки зрения. Я в своё время отправил по этому вопросу депутатский запрос Министру природных ресурсов и экологии РФ Сергею Донскому. Был получен ответ, что требуются дополнительные исследования, связанные с формированием этого подводного бассейна. Дело в том, что он формируется одновременно и на нашей территории, и на территории Азербайджана. Они там воду берут, а мы говорим: нельзя, лес высохнет. И он, действительно, сохнет.

Воду Самура должны были поровну забирать Россия и Азербайджан, треть оставалась на естественный экологический сброс. Сейчас почти всё забирает Азербайджан. Самое эффективное решение — это

поставить водозабор и получать свою часть прямо из реки. По трубам и каналам довести до Дербента, обеспечив водой заодно и районы, по которым они будут проходить. Конечно, надо будет строить и очистные сооружения, хотя вода хорошая — люди Самурской долины её тысячелетиями пили. Само собой разумеется, необходимо провести экологические экспертизы, сделать экономические расчёты. Но конечный результат очевиден: Дербент должен получить эту воду.

— Чем вы сейчас занимаетесь в Госдуме?

— В комитете по образованию и науке курирую высшую школу, возглавляю экспертный совет комитета по высшей школе, в который входят 35 ректоров крупнейших вузов страны.

Месяц назад провёл в Махачкале выездное заседание комитета Госдумы по образованию и науке на тему повышения качества общего образования. Были три секции по подготовке специалистов по русскому и родным языкам, по народным промыслам и по стандартам образования. Приехали представители 32 регионов, в том числе из Татарстана, где очень интересный опыт двуязычия и изучения родных языков. По итогам совещания мы подготовили рекомендации, очень важно было понять эту ситуацию.

Готовим «круглый стол», связанный с большей интеграцией образования и промышленности. У нас многие специалисты остаются невостребованными: они не подготовлены к производству. Ведь многие вузы не обучают тем специальностям, которые необходимы.

Ещё был подготовлен законопроект о придании русскому языку статуса родного.

— После того как вы предложили этот законопроект, многие здесь решили, что вы выступаете против изучения языков малых народов, в том числе дагестанских.

— Только вот если его не принять, малые языки умрут. Если мы русскому даём статус «родного» и создаём госпрограмму по сохранению, изучению и развитию родных языков — русский, напомню, тоже родной, — тогда и будет нормальное финансирование, ресурсная база для всех без исключения языков России.

Я сейчас хочу создать ассоциацию учителей родных языков. Мы будем развивать двуязычие, когда и языки народов России родные, и русский — столь же родной. Когда мы станем переводить великих русских писателей на национальные языки и наоборот, национальных авторов — на русский, тогда и возникнут процессы взаимообогащения и взаимопроникновения родных нам языков.

Тамерлан Магомедов

ЧИСТИЛЬЩИК И СМИ

Неожиданная отставка главы республики, затянувшийся поиск замены и столь же неожиданное назначение Владимира Васильева вызвали множество домыслов, экспертных версий, инсайдерских «сливов» и откровенной чепухи. Всё это заставляет задуматься. О дальнейшем пути развития республики, о силах, способных на это развитие повлиять. А также о том, является ли журналистика такой силой.

Журналистика тудей

Журналистика — это бизнес для молодых, голодных и злых. Ручка и блокнот по карману даже небогатому человеку, а за вольное творчество пока не взыскивают налогов. Дальше уже зависит от природных талантов и врождённых особенностей устройства серого вещества. Способен собирать слова в предложения? Вперёд, зарабатывай! Правда, не надейся, что озолотишься. А если озолотишься, то не надейся, что выйдешь отсюда живым. Озолотившись, никто из журналистики живым не выходил.

Журналист — это не призвание, а именно профессия, способ заработка. Когда придётся просиживать дни в пыльной редакции за написанием шаблонных текстов, словно стругая грошовые сосновые домовины, в которых похоронят твои идеи и тягу к творчеству. Для большинства журналистов именно такой финал, как бы ты ни пытался изобразить из себя мэтра. Работай ты в редакции «Районных вестей» или собкором Интерфакса, вся романтика заканчивается, как только включается «редакционная политика» (РП).

Это вообще ключевой термин. В общепринятом понимании, РП — это такой фиговый лист, который прикрывает наготу бесстыдства журналистской работы. Работаешь, к примеру, в государственном СМИ, и словно в пышные соболиные меха кутаешься в редакционную политику, с томным вздохом и болезненной бледностью лица

повторяя: «Ах, не дают нам писать про чиновников правду».

В независимых СМИ ситуация несколько иная, тут РП скорее выполняет роль бандажа, когда ты выходишь на эпистолярный ринг, защищённый ею от ударов ниже пояса. Здесь она ограждает от таких запрещённых приёмчиков, как призывы к морали, дружеским или родственным чувствам. РП ведь требует от тебя писать только правду. Даже если эту «правду» можно назвать таковой лишь в профиле.

На деле же РП — термин исключительно экономический. Все доходы СМИ, будь то влияние или прибыль, получает только учредитель. Излагать марксистскую теорию распределения прибавочной стоимости, наверное, бессмысленно. Факт, что здесь эта теория налицо.

Увы, даже в мыслящей (будем надеяться) журналистской среде творчество — отнюдь не всегда самоцель. Нередко основной мотивацией оказывается благосклонность начальства (а вместе с ним и материальные блага). Но должен ли журналист заниматься агитацией? Должен ли хвалить или вправо и критиковать происходящие, к примеру, в Дагестане изменения?

Фантастика реальных нравов

Сегодня мало кто помнит телесериал про космический корабль «Лексс». Тот, что «самое могущественное оружие разрушения

в двух вселенных». Сценаристы придумали гигантскую живую, разумную стрекозу-звездолёт, в которой обитали несколько прекрасно знакомых всем типажей. Жалкий неудачник и трус Стенли Твидл, «раба любви» Зев Белрингер, принимающее дружественный облик хищное растение Лайекка, мёртвый рыцарь Кай из рода Бруннен-Джи, влюбленная голова робота 790 и другие.

С учётом эпизодических персонажей, сериал представлял собой широкий набор человеческих индивидуальностей, с присущими им пороками и слабостями. Начиная с самой стрекозы Лексс, которую мне сейчас образно напоминает врио главы Дагестана. Владимир Васильев — такой же живой звездолёт, который вроде как не имеет собственного мнения, потому что его прислали из Москвы, и он не выступает с уже привычными нам искромётными заявлениями.

Не правда ли, красочный образ? Васильев как звездолёт, способный уничтожать вселенные. В данном случае — муниципального или министерского масштаба. И все мы, — копошащиеся вокруг него, в алчном стремлении попасть на борт, чтобы подчинить и начать с его помощью наживать и уничтожать врагов. Стенли Твидлы, для которых Лексс — единственная возможность ощутить себя мужчиной. «Рабы любви», любящие полакомиться человечинкой. Притворяющиеся друзьями хищные растения. Безжалостные убийцы в образе благородных рыцарей. Бездушные как роботы моральные калеки. Загляните в соцсети. Они все там. Переливаются образами.

Правда, Васильева в соцсетях нет. Он и не пытается создавать себе образы, понимая, что собственное мнение человека с лёгкостью умещается в резиновой палке, которой этого человека бьют. Владимир Васильев работал в полиции и должен это знать.

— В Дагестан пришёл не я, а остальная Россия, — первое, что сказал он, прилетев в республику.

Но кто эта остальная Россия? Рязанский мужик, которого мы заочно объели? Оглянитесь. Весь идеологический посыл из Кремля за последние 17 лет можно ужать до одной фразы: «Есть Путин — есть Рос-

сия, нет Путина — нет России». Поэтому в Дагестан сегодня пришёл Владимир Путин, а вовсе не «Россия». И то, что Путин сегодня пришёл в Дагестан, говорит о том, что без Путина Дагестана тоже нет. Именно он спасал республику в 1999 году. Видимо, он будет спасать и сегодня.

«Чистильщик из преисподней»

Отвечая на вопрос о том, чего ждать от Владимира Васильева, нужно понимать, что основной этап его становления приходится на службу в МВД, которую в девяностые иначе как преисподней и не назовёшь. Максим Шевченко, конечно, может позволить себе оксюморон, заявив, что Васильев — «честный мент». Однако честными бывали лишь милиционеры советской закалки. А вот мент... Я бы к Васильеву «мента» прикладывать не стал, даже желая польстить. Хотя, нужно признать, что Владимир Путин действительно прислал нам «чистильщика из преисподней».

В 2001 году Путин собирался выдвинуть Владимира Васильева министром внутренних дел, рассчитывая, что он сумеет зачистить саму «преисподнюю». Тем более, оказанное доверие Путиным в начале своей президентской карьеры, когда он, вероятно, ещё искренне предполагал, что в России возможно что-то с наскока менять. Сегодня президент прислал к нам Васильева, — наверное, как профессионала по борьбе с экономическими преступлениями, успевшего поработать и по линии борьбы с оргпреступностью. Который исполнит любое его поручение.

Какое же поручение дал Васильеву Владимир Путин? Наверняка победить, упрочить его власть, отстояв его место в истории. И он будет побеждать. Действуя поэтапно, начав ещё перед мартовскими выборами. Скармливая, как в том сериале, исполинской стрекозе ФСБ нашу маленькую планетку Дагестан с её карикатурными деспотами и вычурными по российским меркам обрядами. Как итог предвидится бурный подъём культуры. В музеи вернутся историки, в «Лезгинку» танцоры, а дорогу в Кубачи заасфальтируют.

Предвыборная программа

Сегодня для поддержания рейтинга Васильева до сентября 2018 года в республике физически не найдётся достаточного количества значительных персон, которых можно эффективно арестовать. Вероятно, придётся начинать экономические реформы, но куда двигаться?

Развитие экономики невозможно навязать призывами к морали или культуре, оно зависит от уровня развития предпринимательства в обществе. В свою очередь, экономический рост и влечёт за собой развитие культуры и гражданского общества. Именно массовое предпринимательство, помноженное на стремление предпринимателей заработать и приумножить кровью и потом заработанные деньги, и является действенным.

Наглядный пример — дальнбойщики, чей бизнес в республике один из наиболее массовых. Только они за последние годы сумели организовать в мощное профсоюзное движение, заявив о себе на всю страну в ходе выступлений против системы «Платон». Они же решились вскрыть и проблему коррупции на таможне, вынудив Владимира Васильева реагировать. Обыкновенные водители-дальнбойщики, по сути, стали передовой силой гражданского общества в республике.

Правда, промышленного производства, как результата предпринимательства, у нас нет. Талант к предпринимательству у дагестанцев зачастую проявляется либо в торговле, либо в сельском хозяйстве. К сожалению, проводимое по остаточному принципу администрирование в сфере сельского хозяйства является главным препятствием в этой отрасли. Как результат, наверное, развал всех крупных агропроектов и стагнация. Профильное министерство превратилось в синекуру для бывших муниципальных руководителей.

Однако какой бы акцент ни сделал Владимир Васильев в своей программе, надо понимать, что это в первую очередь предвыборная программа. Причём предвыборная дважды. Задача — организовать к марту 2018 года эффективную рекламную кампанию по повышению популярности Владимира Путина. От её результатов зависит и рекламная кампания самого Васильева на сентябрь следующего года.

Туризм как панацея?

После того как сельское хозяйство окончательно загнали на задворки экономики, похоронив все возможности, которые подарила программа импортозамещения, в Дагестане стало хорошим тоном говорить о развитии туризма. Заявляются проекты строительства пятизвёздочных отелей и масштабных развлекательных комплексов. Хотя никто не стал бы ездить в Швейцарию, если бы по уровню развития она была похожа на Кулинский район, а дороги в ней были такими же, что сегодня ведут в Кубачи.

С разбитыми дорогами, полуразвалившимися аулами, безработицей и, как ни парадоксально, отсутствием продуктов питания сносного качества туризм невозможен. И речь не о частных случаях гостеприимства. Попробуйте сегодня в Хаджалмахи купить традиционный чурек с сыром. Увы, пока жители республики не получают возможность делать честный бизнес с достойным заработком, говорить о туризме всерьёз не приходится.

Имея потенциал стать ведущим центром России в сферах животноводства и овощеводства, мы побеждаем сами себя по надоям и поголовью скота лишь в отчётности. Наша продукция не выдерживает конкуренции, хотя консервированная плодоовощная продукция из Кабардино-Балкарии, к примеру, уже завалила не только прилавки московских торговых сетей, но и наших гастрономов. Коррупция, неискоренимая в современной российской общественной формации, гипертрофирована в Дагестане в результате многонациональности республики.

Увы, национальное самосознание дагестанских народов не стало основой развития в нас научной, творческой и предпринимательской мысли. Все мы чётко усвоили лишь то, что из общественного котла нам положена наша частная доля. А любые попытки с этим явлением бороться априори повод для межнационального конфликта. Не вправе аварец запретить казнокрадство даргинцу, а уж тем более другому аварцу, не запретив этого для начала кумыку. Другое дело Васильев, он ведь русский, его Путин прислал. А значит, верной дорогой идём. Хотя кто знает... Надо взять у него интервью.

Андрей Меламедов

ЕГО ПРЕМЬЕР — ДРУГИМ НАУКА

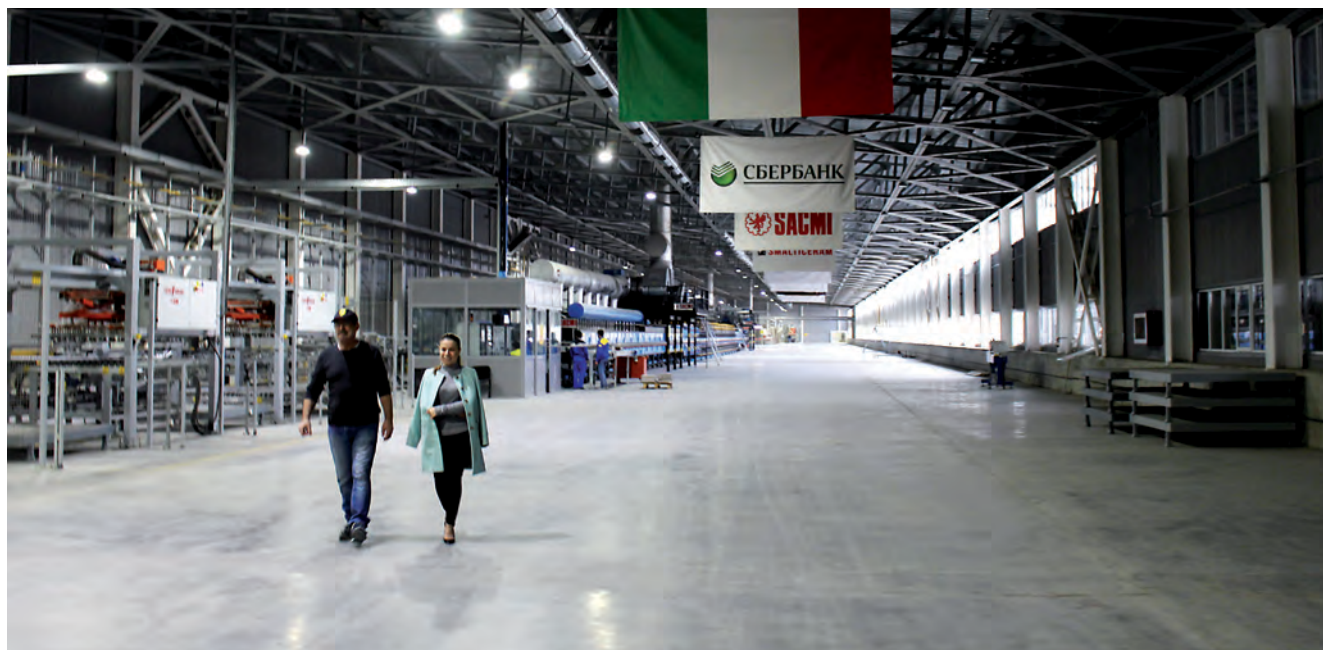
Все новые дагестанские заводы похожи, как близнецы. Может, всё дело в запредельно малом количестве людей на квадратный метр территории. Помню, во время очередного посещения Каспийского завода листового стекла обратил внимание на то, что вот уже минут пять иду вдоль конвейера, по которому ползут громадные прозрачные листы, и за это время встретил лишь одного рабочего, идущего навстречу. Да и тот, как выяснилось, к конвейеру никакого отношения не имел, поскольку спустя пару минут свернул в сторону и тут же затерялся в пространстве громадного цеха.

Благодаря таким вот деталям и создается впечатление, что сегодня на производстве человек — существо явно вторичного порядка. И зарплату ему платят лишь за то, что он наблюдает за тем, как чётко и красиво работает современная умная техника.

Точно такие же ощущения я испытал вновь во время экскурсии по цехам завода «Мараби» — ближайшего и пока единственного соседа Каспийского завода листового стекла на площадке в Тюме.

Все процессы здесь контролирует умная электроника, практически без участия ра-

ботников. К примеру, на участке, где сырьё для плитки (а это 17 компонентов, главными из которых являются шпат, глина, кварц и песок) растирается в мельчайшую пыль и смешивается друг с другом в строго определённых пропорциях, я обнаружил всего двух человек в защитных масках. Как выяснилось,

это единственный «грязный» цех на предприятии, работникам которого положены доплаты за вредность.

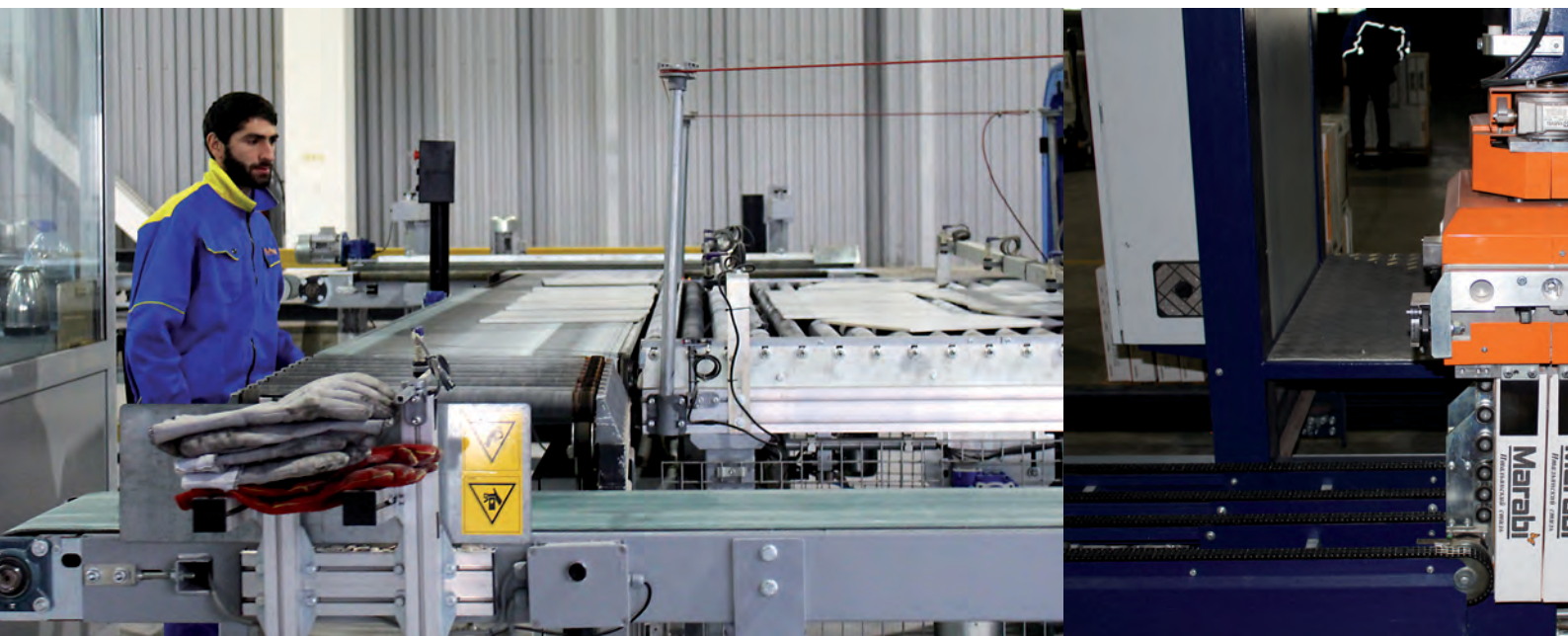
Отсюда пресс-порошок, смешанный с водой, поступает в мельницу, где готовится однородное керамическое «тесто». Раз уж пошли кухонные аналогии, замечу, что процесс приготовления плитки чем-то напоминает приготовление коржей для «наполеона». Правда, если керамические «коржи» сразу направить в печь, они попросту взорвутся — высокая температура (на входе 500°, на выходе — от 1175° до 1300°) в сочетании с водой, мгновенно превращающейся в пар, сработает ничуть не хуже динамита. Поэтому технология «выпекания» плитки несколько отличается от привычной кухонной.

На «Марабии» водно-керамическая масса сначала направляется в атомизатор, где из неё выпаривается вода, и лишь затем — под пресс, где плитка наконец обретает привычную форму. Затем следует участок приготовления глазури и ангоба. Что такое глазурь на плитке, знает каждый. Что касается ангоба, то тут необходимы некоторые разъяснения. Как рассказал ведущий технолог предприятия Фредерико Джорджио, без ангоба глазурь на плитку нанести невозможно, именно эта прослойка соединяет керамическое «тело» и глазурь в монолит, а кроме того, именно ангоба обеспечивает прочность нижнего слоя будущей плитки.

Ну а дальше всё просто: компьютер наносит на глазурь рисунок и отправляет практически готовую плитку в печь. Кстати, именно процедура обжига и закалки, занимающая 47–50 минут, и определяет скорость конвейера на «Марабии». Уменьшить время прохождения других участков нельзя — у входа в печь образуется неминуемый затор, ускорить время обжига — тоже: на выходе получим брак. Поэтому никаких трудовых рекордов на конвейере «Марабии» установить нельзя. Написано в техпаспорте, что в сутки можно произвести максимум 6000 квадратных метров плитки; хоть головой о стенку бейся — больше на этом оборудовании не получишь.

— На самом деле, — говорит Фредерико Джорджио, — суточные выпуски у нас даже немного ниже, при производстве плитки формата 40x40, к примеру, — максимальная производительность составляет 5450 квадратов. Нет, паспорт не обманывает, но в нём указаны объёмы на входе в печь, а там происходит неизбежная «усушка». И тут тоже ничего не сделаешь.

Возле печи обжига, растянувшейся на десятки метров, я тоже не увидел ни одного человека. Лишь в самом конце, уже на выходе наблюдалась одинокая работница, не отводящая глаз от ленты конвейера. Её присутствие казалось здесь абсолютно неуместным, и поэтому возник естественный

вопрос: а что, собственно, она здесь делает? Визуально определяет качество нанесения рисунка и краски на плитку!

Это что же получается? Линия буквально напичкана дорогой электроникой, каждый этап производства задаётся и контролируется компьютерами, а в итоге всё замыкается на весьма и весьма ненадёжный человеческий фактор. Из состояния когнитивного диссонанса выводят объяснения Фредерико Джорджио, заметившего, что я пребываю в недоумении.

— Дело в том, что в процессе производства возможны некоторые микрошибки, ко-

торые натренированный человеческий глаз выявляет очень эффективно. Но это вовсе не означает, что девушка является на конвейере главным и единственным контролёром качества. Она, повторюсь, отслеживает лишь качество рисунка. Все остальные качественные параметры — соответствие плитки эталонным размерам, её «поведенность» определяет электроника. И достаточно отступления в 10 микрон, чтобы готовая плитка потеряла право попасть в пачку с маркировкой «1 сорт». Понятно, что даже самый зоркий глаз в мире такого отступления от нормы попросту не заметит. С гордостью должен

отметить, — улыбается Джорджио, — что на «Мараби» 97% выпускаемой плитки — это продукция первого сорта.

Как выяснилось в ходе дальнейших распросов (больше всего интересовала позиция «Мараби» в рейтинге мировых производителей керамогранита), в этом сегменте рынка стройматериалов качество выпускаемой продукции давно уже особого значения не имеет. Вроде бы парадокс, но современные производства (а именно они определяют политику рынка) просто не могут работать некачественно, электроника не позволяет.

В итоге на рынок попадает лишь продукция, практически идеальная с точки зрения её размеров и соответствия нормативам, остальной здесь делать нечего. Да, некоторые различия, в основном определяемые качеством исходного сырья, место имеют. На «Мараби», к примеру, на качество сырья делают особую ставку, несмотря на то, что это ведёт к росту себестоимости и снижению прибыли. Так, глину на предприятие завозят из Украины, шпат — из Турции. И хотя имеются возможности наладить поставки сырья из других регионов, к приме-

ру, из того же Ирана, с которым Дагестан связывает дешёвый морской коридор, на предприятия их всерьёз не рассматривают.

— Да, — соглашается Джорджио, — шпат из Ирана завозить намного дешевле, но тут есть нюансы. Я пять лет проработал в Иране, прекрасно знаю этот рынок и этот шпат. Он достаточно неплохой, но с турецким шпатом и рядом не стоит, тот намного лучше. То же самое и с украинской глиной: она идеально подходит нам, в отличие от другой, которой в той же России великое множество. Поэтому мы и в будущем не намерены менять поставщиков сырья, поскольку это будет экономия на качестве.

Между тем повторимся, совсем не качество и даже не цена сегодня определяют позицию того или иного производителя керамогранита на рынке. Всё потому, что и цена и качество у лучших мировых производителей, в число которых входит и «Мараби», находятся примерно на одном уровне. И в итоге главным критерием, определяющим востребованность, а значит продаваемость той или иной плитки, становится рисунок. Именно за рисунок в конечном счёте покупатель «голосует» рублём, долларом, йеной или динаром, именно рисунок определяет спрос.

И поэтому «Мараби» и в дальнейшем будет тесно работать с итальянскими партнёрами, поскольку итальянская школа дизайна на сегодня считается одной из самых сильных. Ещё одним подтверждением этого является стабильный рост продаж на «Мараби».

— Смотрите, — рассказывает главный экономист предприятия Гамид Тагиров, — мы запустились в январе и на рынок вышли совсем недавно. Тем не менее уже сегодня вся выпускаемая продукция уходит с колёс. К слову, именно продажи определяют на «Мараби» производственный процесс. Сегодня мы ежедневно выпускаем около трёх тысяч квадратных метров плитки, это примерно половина мощности предприятия. Неполная загрузка напрямую связана с объёмами продаж. Они, к счастью, постоянно растут, и соответственно растут объёмы производства. Появляются новые каналы реализации, налаживаются логистические цепочки — в общем, всё развивается достаточно динамично.

Мы уже вышли на зарубежный рынок, примерно 40% выпускаемой продукции отгружаем в Казахстан, Азербайджан, Киргизию и Армению. Анализ показывает, что уже к первому кварталу будущего года завод начнёт работать на полную мощность.

Скажу больше, уже сегодня акционеры предприятия всерьёз рассматривают вопрос о монтаже второй линии. Собственно, речь идёт о закупке второй печи и расширении участка прессовки, поскольку мощности остальных вспомогательных участков вполне хватает для того, чтобы обеспечить обе печи сырьём.

— В ближайшей же перспективе, — продолжает Тагиров, — расширение нашего модельного ряда. Сегодня мы выпускаем плитку размером 40x40, это достаточно востребованный стандарт, именно поэтому мы с него и начали. Но планируем запустить другие размеры — 33x33 и 60x60. Наши дилеры уверены, что это позволит нам ощутимо увеличить продажи, а это наша основная задача.

Ни для кого не секрет, что одной из самых больших проблем современного Дагестана является острая нехватка в республике современных высокотехнологичных промышленных производств. Без них шансов соскочить с дотационной иглы у республики нет, агропром с его мизерной налоговой отдачей не в счёт. С учётом этого появление таких производств, как завод «Мараби», — это, несомненно, благо. Жаль только, что таких предприятий у нас единицы. Объясняется это достаточно просто. Сегодня для того чтобы построить в Дагестане современный завод, надо быть или олигархом вроде Сулеймана Керимова, или, как это наблюдается на примере «Мараби», — предусмотреть участие в проекте родственников влиятельного чиновника, способного обеспечить его административное сопровождение. Ни для кого не секрет, что именно участие в проекте членов семьи Абдусамада Гамидова позволило «Мараби» в 2011 году получить в Сбербанке кредит в размере 700 млн рублей сроком на 10 лет. До этого, кстати, Сбербанк ни один масштабный инвестиционный проект в Дагестане не финансировал. Поспособствовал Гамидов и получению государственной гарантии Рес-

спублики Дагестан на сумму 422910,0 тыс. рублей в обеспечение банковского кредита.

Но, как сказал один мой знакомый, на всё это, по большому счёту, вполне можно закрыть глаза. «Если каждый дагестанский премьер, — развил он свою мысль, — построит в республике хотя бы один завод уровня «Мараби», мы без всяких там индустриализаций за какие-нибудь 40–50 лет станем самодостаточной республикой с развитой современной промышленностью. Другого-то пути у нас всё равно нет».

Кстати, по словам Гамида Тагирова, «Мараби» за все эти годы ни разу не нарушил обязательств по обслуживанию кредита. Все платежи по кредиту осуществляются по графику, никаких форс-мажорных ситуаций не возникало. В общем, довольны все: и акционеры, и банк.

— Последнее обстоятельство, — полагает Тагиров, — позволяет нам надеяться, что плодотворное сотрудничество со Сбербанком будет продолжено. Я вам говорил о намерении построить вторую линию. Так вот, наши акционеры сейчас ведут активные переговоры с руководством банка. И высока вероятность, что «Мараби» будет развиваться и дальше.

Наида Хаспулатова

КАРАБУДАХКЕНТ. ЛЮДИ ЗЕМЛИ

Карабудахкентский район расположен удивительно удачно — на равнине между Махачкалой, Каспийском и Избербашем, да ещё и на берегу Каспия. Это один из самых больших и густонаселённых районов республики. Его хорошо знают все махачкалинцы: Агачаул — одно из любимых мест для выезда «на шашлыки», в Манасе или около него ещё с советских времён было столько санаториев и баз отдыха, что хоть раз отдыхал там, наверное, каждый житель дагестанской столицы.

Когда-то район был благополучным, поскольку специализировался на сельском хозяйстве и сбывал продукты в столице. Но

в 90-е поля пришли в запустение, а те птицефабрики, которые сумели выжить после крушения социализма, подкосил куриный

Айгум Булатов

грипп. И только последние два-три года начали появляться новые сады и виноградники. Да и карабудахкентские сёла начали активно расти — всюду идёт большая стройка; причём новые дома, почти все — под стать особнякам.

И это не только визуальные впечатления. По данным статистики, производство сельхозпродукции увеличилось за последние три года в полтора раза. И если ещё три года назад почти половина пахотных земель пустовала, сейчас таких почти не осталось.

Наш гид — один из самых крупных и активных фермеров, Магомедзакир Нухов. Недавно ему, как человеку, знающему проблемы сельхозпроизводителей изнутри, предложили стать заместителем начальника управления сельского хозяйства района. Вот он и решил познакомить нас с самыми интересными начинаниями своих коллег.

Подъезжаем к Уллубийауду. И первое, что бросается в глаза, — бледно-голубые крыши, разбросанные на огромном пространстве. В этом селе на деньги местных жителей построены 700 теплиц. Им предложили такой проект, они воспользовались шансом. Заходим в одну из теплиц — тепло, пахнет газом, хотя на улице +18, помещения уже топят; помидорные кусты больше напоминают деревья — высотой под два метра, тянущиеся к солнцу, они усеяны крупными зелёными томатами.

Айгум Булатов, владелец теплицы на 25 соток, построил её только в прошлом году:

— Уже два раза урожай получил, стараемся; вся семья здесь работает днём и ночью: жена, четверо детей, — чтобы рабочим не платить. Я машину продал, чтобы теплицу построить; кто-то кредит взял, кому-то родственники помогли. Но всё равно выгодно этим заниматься. Сейчас оптовики приезжают сюда и по 110 рублей за килограмм забирают весь урожай.

Мирсаид Джамбулатов раньше владел автосалоном, решил вернуться к земле и построил теплицу в 45 соток — за 8 миллионов рублей. У него работают 10 рабочих, плата подённая — 700 рублей в день. Бизнес выгодный, хотя никаких субсидий для Мирсаида нет — их выделяют, если развернуться по крупному — от 3 гектаров. Но им всё равно нужна помощь.

— Пусть водой нас снабжают, на полив нанимаем водовозов, за каждый посев 150–200 тысяч рублей только за воду отдаём, — сетует Джамбулатов. — Абдулатипов, бывший глава Дагестана, был у нас в марте, ему очень понравилось, и он обещал, что через два месяца вода будет. Недалеко от нас проходит канал Октябрьской революции; обещали поставить насос, сделать водоём, чтобы воду качать. Но даже колышка не забили.

Едем в райцентр. **Адулагатов Зияутдин**, глава КФХ «Шанс» — один из первых фермеров района, начинал ещё в прошлом веке:

— Был технологом на заводе, а когда его закрыли, в 1999 году стал фермером. Вначале пшеницу сеяли, а первые виноградники посадили в 2005 году, — делится он. — Виноградом в Дагестане заниматься выгодно, у нас активные солнечные температуры, большой потенциал, просто до конца не используем его. И много значит поддержка государства, именно виноград субсидируется сейчас лучше всего. Когда мы начали сажать виноградники в 2005-м, государство за гектар компенсировало 50 тысяч, сегодня 320 тысяч дают — это

Мирсаид Джамбулатов

почти полностью покрывает расходы. Капельное орошение тоже компенсируют наполовину, мы его на всех плантациях провели.

Сейчас у нас 56 га, из них 16 занимают столовые сорта. Они выгоднее, за них реальные деньги получаешь на руки, а не ждёшь, когда тебе выплатят. Сбытом занимаются многие, наши виноград и по Дагестану возят, и за пределы республики. Это не наша собственная земля, мы используем земельные паи наших жителей, между которыми при Ельцине распределили участки. Люди активные, за своими наделами сами ухаживают. Но есть те, кому некогда заниматься своей землей, — кто на госслужбе, кто в силовых структурах. Или, скажем, все здоровые мужчины этой семьи из села уехали, вот их паи мы и арендуем.

Абумуслим Айдиев 19 лет проработал в милиции, дослужился до подполковника и решил стать фермером:

— Я не скучаю по службе, доволен, что так получилось. Всю свою молодость рано утром уходил на работу, ночью возвращался, жизнь мимо проходила. Даже дома ничего не успевал делать. Сейчас есть время отдыхать, работа-то сезонная. И результаты видны. Первый свой сад заложил в ноябре два года назад. Сейчас у меня 15 гектаров интенсивных садов — яблоня, груша, черешня, слива, персик. Полный урожай ещё не получил, но деревья уже начали плодоносить — очень вкусные и красивые фрукты, так что буду ещё расширяться. Тем более за посадку интенсивных садов сейчас

дают 250 тысяч за гектар, а это почти полностью покрывает затраты.

У Абумуслима есть и другое направление. Он сажает интенсивные сады другим людям:

— Привёз 30 тысяч саженцев, сделал плантаж, посадил. Когда они получат субсидии, часть отдадут мне. За год я так сажаю 30–40 га. Но у меня много и других планов. Есть инвестор, мы с ним теплицу построим на 3,5 га, виноградники заложим. Самое выгодное сейчас — теплицы. Сад посадил и ждёшь несколько лет, а теплицы через несколько месяцев прибыль дают. Но если мы не будем сами же и перерабатывать и с готовой продукцией на свои рынки выходить, ничего не получится. Менталитет людей в Дагестане такой, лишь бы что-то сделать, а думать, как выйти на рынок или зайти в интернет, не хотят. Мы думаем переработкой заниматься. Я был в Волгоградской области, в хозяйстве холдинга «Сады Придонья», и хороший опыт извлёк из того, что видел и слышал.

Дальше наш гостеприимный гид решил показать собственные владения около села Гурбуки. Магомедзакир Нухов — из потомственного рода аграриев: оба его деда были председателями колхозов. Фермерское хозяйство «Гурбуки» — большое и многоотраслевое; у него автоматизированный животноводческий комплекс на 300 коров, 28 га интенсивных садов и 27 га виноградников, около тысячи — поля, засеянные пшеницей. Про всё рассказывает с увлечением: как растить зерно и разводить коров, какие персики самые лучшие:

— В 2005 году занялся молочной отраслью — она самая трудная: с 4 утра до 9 вечера у меня коровы пасутся. Когда где-то закупаешь корм, выгоды нет, поэтому начал сеять фураж сам. Покупал самые качественные семена из закреплённых хозяйств Зеленоградского, Донского, Краснодарского сельхозинституты. Купил сейчас четыре комбайна, они самые нужные — другую технику можно арендовать, а с комбайном даже на пару дней нельзя опоздать, всё осыплется.

Сельским хозяйством заниматься выгодно, если господдержка есть, без помощи государства никто им заниматься не будет. Сажаете

сады, виноградники, вкладываешь огромные деньги (капельное орошение в нашем регионе необходимо) и несколько лет, 3–5, ждёшь урожая. Мы подстраиваемся под господдержку. Государство подпитывает те отрасли, которые хромают. Взять, к примеру, птицеводство. Его дотировали — и мясо птицы за несколько лет уже за пределы республики вывозим.

Сельское хозяйство рентабельно, когда ты доводишь свою продукцию до готовности. Продавая сырьё, прибыль не получишь. Молоко должно быть в упаковках, виноград и фрукты в брендовых ящиках по 10 кг. Я только молоко так делаю, у меня есть молочный цех, сыр натуральный на сычуге — как тысячу лет назад производили, есть упаковочное оборудование; всё реализуем в Каспийске и Махачкале, выращиваем племенных телят, акклиматизированных для республики.

Планировал закупить мельницу на 15 тонн муки в сутки, ждал господдержки, но её притормозили. Будут у государства деньги — куплю мельницу и буду делать фирменную муку «Гурбуки». Выгодно фрукты-овощи продавать не сразу, а значит, нужно овощехранилище.

Магомедзакир и как производитель, и как чиновник, уверен, что госполитику поддержки АПК нужно кардинально менять.

— В первую очередь, надо создать механизм для узаконивания владения землей. Сейчас, когда нам дают её в аренду на 11 месяцев, нет смысла вкладывать в неё деньги. Во-вторых, в Дагестане крайний дефицит техники. Та, что есть, на четыре пятых исчерпала свой ресурс. Надо создать лизинговый механизм, а в республике нет ни одного профильного предприятия. Муниципалитет же не вправе давать гарантии фермерам на получение техники.

Нужна вода, а значит, срочно необходимо восстановить гидромелиоративную сеть. Нет семеноводческих хозяйств — их надо создать заново. Для животноводства нужны племенные репродукторы, хорошие стельные тёлки. Такие глобальные задачи решить может только государство. А желающих и умеющих работать на земле у нас очень много.

Ещё несколько лет назад в Карабудахкентском районе были те же проб-

лемы, которые мешают развитию многих сельских районов. Вся годная земля или принадлежала ГУПам (а они почти все крайне неэффективны), или была разделена на пай и роздана людям. С социальной точки зрения это было справедливо, с экономической — крайне неэффективно: невозможно создать современное рентабельное хозяйство на клочке, размером меньше гектара. Поэтому большинство такой земли не обрабатывалось. Во многом именно по этим причинам заброшена земля во многих даже равнинных районах.

Чуть больше двух лет назад район возглавил Махмуд Амиралиев. Он коренной махачкалинец, до Карабудахкентского района возглавлял Советский район Махачкалы. Но так как родители его из Доргели, проводил здесь много времени с самого детства, и был депутатом Карабудахкентского районного Собрания. Он рассказал, как удалось изменить ситуацию:

— Мы заключаем договор с субподрядчиком и говорим ему: либо ты работаешь, либо отдавай свой пай в аренду, либо выписываем акты о неиспользовании земель. За два года выписали около 2000 актов. Если два года подряд на пай выписывается акт, на третий — мы имеем право изъять землю. Но у нас нет цели — забрать землю, мы хотим, чтобы она работала. Мы и оформим поможем, и субсидиями поможем, если техника нужна — есть два МТС. Но не можешь работать — отдай

Магомедзакир Нухов

Абдулмуслим Айдиев

землю. Мы составили реестр собственников земель — такого нигде нет. Я сам в прошлом году посадил виноградники, пришлось с каждым хозяином разговаривать. Аренду будем платить, и с каждого гектара тонну винограда отдаём.

Вы проехали через район, сами видели — жизнь здесь возрождается: всюду новые сады, всюду стройки. Можно сказать, что помогли санкции, и к тому же люди, наконец, поняли, что социализма уже не будет, и они могут рассчитывать только на себя.

Инвестиционную площадку «Уйташ» мы передали Каспийску. Но сейчас — недалеко от аэропорта — строим государственный индустриальный парк «Аврора» на 70 га для производственных площадок. Это позволит создать рабочие места. Очень хорошее географическое положение и логистика. Помимо этого, мы создали так называемые «инвестиционные площадки» возле каждого населённого пункта. Мы сделали 14 площадок, оформляем землю, передаём её в субаренду людям и привлекаем внутренние инвестиции, то есть средства жителей этого села. Инвестиционные площадки создаются по двум направлениям: животноводческие комплексы и тепличное производство. Под теплицы определено 184 га, под животноводство — 200. Суть этих площадок заключается в том, что тяжело человеку построить, допустим, гектар теплиц, дорого.

Мы создаём кооперативы, каждому выдаём по 20 соток. Если в течение года он построит теплицу, продлеваем контракт на 24 года. Например, мы выделяем 10 га пятидесяти людям, к такому массиву легче подвести электроэнергию и газоснабжение. А главное, будучи единой компанией, они могут получить субсидирование от государства. Пример такого подхода — Улубийаул, где за два года построили более 700 теплиц. С реализацией проблем нет — машины стоят, ждут помидоры. Аданакские помидоры, с запахом ботвы, настоящие, а не турецкие, знает уже вся Россия.

Сейчас вот был в Карабудахкенте, там была свалка. Мы её закрыли, расчистили и сооружаем тепличный комплекс — желающих хватает. Кроме этого, мы определили два участка по району для внешних инвестиций. В 2016 году таким вот образом мы привлекли инвестиций на полтора миллиарда рублей.

Ещё одна особенность Карабудахкентского района — здесь удивительно чисто, что даже непривычно. Оказалось, что следить за чистотой даже выгодно.

Мы создали одну инвестиционную компанию, которая занимается сбором всего мусора. У неё восемь единиц автотехники; мусоросжигающий завод, где мусор сортируют на бумагу, стекло и пластик, прессуют и продают как вторсырьё. Остаток сжигается. Всё это — частные инвестиции на долгосрочный период, но они окупаются. Наш народ не привык платить за уборку мусора, не привык платить за воду, но — надо.

Главная проблема — реализация сельхозпродукции. Мы нашли инвестора, который уже начал строить торгово-логистический комплекс в районе Манасского кольца — для хранения 10 тысяч тонн винограда и 3 тысяч тонн овощей. Создание такого комплекса покрывает потребности всего района. В этом году мы собрали 10,5 тысяч тонн винограда, 70% — столовые сорта; плюс около тысячи га новых виноградников заложено. Получается, что сможем свой виноград принимать.

Сельское хозяйство невозможно без субсидий. Я увеличил управление сельского

хозяйства, дал полномочия земельного контроля. Подготовил и подписал соглашение между Минсельхозом и Карабудахкентским управлением сельского хозяйства, и сейчас оно само занимается сельхозпроизводителями, потому что люди пока не умеют работать с бумагами. Благодаря такому подходу в 2016 получили субсидий на 184 миллиона — в четыре раза больше, чем когда я только пришёл.

«Социалка» для района, в котором живёт больше 80 тысяч человек, большая — 28 школ, 19 детских садов. Но за последние несколько лет здесь не построен и не строится ни один объект. Хотя потребность, конечно, есть. Есть несколько сборно-щитовых школ, которые давно пора сносить, много нетиповых — без актовых и спортивных залов, не хватает детских садов. Районный бюджет денег на стройку выделить не может. Нашли выход и из такой ситуации.

— Мы пошли по другому пути. У нас огромное количество зданий, оставшихся от

Адулагатов Зияутдин

колхозов. Мы их ремонтируем с привлечением частных инвестиций. Сейчас открыли в Агачауле детский сад. Инвестор реконструировал, мы берём в аренду. 1 декабря такой же открыли в Парауле. По той же схеме появится детсад в Какашуре — заброшенный колледж нам передаёт республика.

В Карабудахкенте обратились за помощью к выпускникам, и они построили актовй зал, а в другом селении — столовую. По программе ликвидации двухсменки в 2019 году обещают построить школу в Карабудахкенте, надеемся. В Улубийауле меценат построил спорткомплекс, женщина купила полный комплект современного оборудования для детского сада, один депутат для села Гели футбольное поле купил. Я удивляюсь трудолюбию наших людей, их надо только немножко подтолкнуть и не мешать.

Карабудахкентский район оставил очень приятное впечатление. Цветущий, растущий, чистый и современный. Ему повезло с землёй и климатом, но главное богатство здесь — это активные и трудолюбивые люди, оптимисты. Они не сетуют на время и обстоятельства, а ищут выход из любой ситуации, чтобы сделать лучше свою жизнь, жизнь своей семьи, села, района. Конечно, все такими быть не могут. Но их здесь достаточно много, чтобы всё росло и развивалось.

Махмуд Амиралиев

ЭТИКА ЭТНОСА

Мы продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Убранство комнаты, в которой встречали и окружали вниманием гостя или кунака, отдельные предметы обстановки, элементы одежды общающихся, особенности сервировки стола вообще, а также наличие или отсутствие того или иного блюда в частности, зачастую носили на себе дополнительную, неутилитарную этикетную нагрузку. Предмет, вещь в этом своём качестве, проявлении, становились как бы определителями и регуляторами отношений, носителями информативного начала. От знаково-прочтения во многом зависел стиль общения, его тональность.

Угол комнаты или отдельная комната, где принимались гости, часто застилались ковром (ворсовым, безворсовым), войлоком (узорным, неорнаментированным полотнищем), циновками, паласами, выделанной овчиной — в соответствии с достатком хозяина.

* * *

Овчина могла быть крашеной или декоративно-скомпонованной по цвету, сшитой из отдель-

ных шкур естественных цветов — белых и чёрных (арчинцы). Поверх них разбрасывались подушки, небольшие тюфячки, набитые шерстью, пухом, ватой; на них садились, их подкладывали под локоть, за спину участникам застолья.

* * *

Низкие треногие стульчики, иногда со спинкой — явление позднее для дагестанского горского быта (конец XVIII – начало XIX в.). Ещё

позднее в повседневный быт стали проникать невысокие деревянные столики. Столы и стулья современного типа и размеров стали активно проникать в горы Дагестана лишь со второй половины – конца XIX в. и прочно вошли в быт где-то к 30-м годам текущего столетия. Даже к этому времени стул, табурет увидеть в доме горца можно было не всегда — их обычно заменяли скамьи, иногда со спинками. Стена, противоположная двери, также зачастую занавешивалась ковром.

В отдельных регионах Дагестана существовал обычай дарить наиболее почётному, редкому гостю этот ковер при его проходах (кумыки, хунзахцы, кайтагские даргинцы, акушинцы, кумухцы). Если на этом ковре, украшая комнату, висели кинжалы, шашка, пистолет, ружьё, пороховница и др., хозяин без зазрения совести снимал всё это, оставляя в семье. «Ковёр твой, всё, что на нём — моё», — говорили при этом, обращаясь к гостю, кумухцы.

* * *

Пудобней усаживаться, подкладывая за спину или под локоть подушку, тюфяк, гость не мог. Это должен был предложить сделать или проделать собственноручно хозяин дома, его брат, взрослый сын и др. При этом, следуя нормам этикета, оказывающий внимание перебирал руками

несколько подушек, тюфяков, мял и взбивал их, «выискивая» наиболее удобный, мягкий, нарядный, красочно орнаментированный вариант.

* * *

Если приезжал особо почитаемый гость, родственники хозяина (замужние дочери, сёстры, замужние и незамужние племянницы и др.) могли прислать в его дом нарядные, вышитые подушки (аварцы, в т. ч. и ботлихцы, каратинцы, тиндинцы; даргинцы, в т. ч. и кайтагцы; лакцы, в т. ч. и балхарцы; терекменцы). Гость использовал их по назначению во время визита (опосредовано, через хозяев) и увозил с собой в качестве подарков (для жены, сестры, матери) после окончания его.

* * *

Во всё время пребывания гостя в доме хозяев рядом с его постелью находились молитвенный коврик, а также тазик и кувшин для омовения. Чем нарядней и красочней были эти предметы, тем большие почёт и уважение оказывал хозяин гостю.

* * *

Предложить гостю керамический, не наполненный водой кувшин, невымытые и невычищенные до блеска сосуды для омовения означало бы наличие со стороны хозяина некоего пренебрежения к приезжему или проявление скрытой неприязни.

* * *

После продолжительного застолья гость тактично давал понять хозяину, что не прочь бы отдохнуть. По нормам большинства народов Дагестана хозяин тут же препровождал гостя в отведённую для него комнату, где последнего ждала разобранная постель.

* * *

Однако у отдельных народов (цезы, бежтинцы, гунзибцы, гинухцы, багулалы, чамалалы) было принято, чтобы постель разбирал сам гость: хозяин лишь указывал ему место отхода ко сну, где все спальные принадлежности лежали в собранном виде. Подвести гостя к разобранной постели для представителей этих народов означало намекнуть ему, что хозяева от него устали и не могут дождаться, когда же гость, наконец, отправится на покой.

* * *

Почти в каждой семье был набор кухонной утвари, специально предназначенной для приёма гостей, для семейных торжеств. Эта утварь, в обыденной ситуации расставленная на полках, в нишах, развешенная по стенам (из стран мусульманского Востока, из России, Закавказья и проч.), служила предметом гордости семьи и порой накапливалась в значительных количествах в доме состоятельного хозяина. Особое пристрастие питали к ней кубачинцы — во многих домах фарфоровая, фаянсовая, медная, бронзовая, серебряная, позолоченная и прочая посуда, котлы, лампы, кубки, чаши и т.д. занимали изрядное место. Не принято было использовать обыденную керамическую и деревянную утварь при приёме гостя, кушанья и напитки на стол подавались в самой лучшей посуде.

* * *

Знаковую нагрузку несла на себе зачастую и одежда, отдельные её детали. Так, например, зелёное или белое полотнище, обрамляющее часть папахи мужчины, означало, что тот совершил паломничество в Мекку; чёрный, низко повязанный платок и чёрное платье выдавали женщину, находящуюся в трауре. Разумеется, что в подобных случаях стиль общения гостя, его манера должны были соответствовать этим знакам. С оголённой грудью, с распахнутыми верхними пуговицами одежды мужчина в обществе не появлялся. Если в доме было жарко, хозяин, принимающий гостя, выбрав момент, со словами «Что-то жарко сегодня» расстёгивал одну-две пуговицы рубахи, тем самым приглашая гостя не стесняться и поступить подобным же образом.

* * *

Неприличным считалось принимать приезжего, гостя в сыромятной обуви типа чарыков — на этот случай предусматривались сапоги из мягкой кожи с мягкой же подошвой или (у народностей Южного Дагестана; у цунтинцев, бежтинцев, гинухцев, гунзибцев) вязаные сапоги.

* * *

Находиться в комнате, особенно в гостях, без головного убора считалось предосудительным. Если в комнате было очень жарко, хозяин

предлагал гостю снять папаху и надеть на голову тубетейку либо шитую из плотного лёгкого материала молитвенную шапочку. Во многих домах горцев для подобных ситуаций хозяева запасались либо тубетейками, привезёнными из Средней Азии, приобретёнными у татар, либо молитвенными шапочками, изготавливаемыми на продажу татарами; головной убор последнего образца мог быть и местного изготовления.

* * *

Женщина-аварка в Западном Дагестане не могла показаться перед гостем без матерчатого пояса — сложенного вдвое белого, красного или зелёного полотнища, подпоясывающего платье. Нормы этикета требовали также, чтобы девушки и женщины на время пребывания гостя в доме свели к минимуму ношение ювелирных украшений и применение косметических средств. Кумычки и дагестанские азербайджанки, женщины Южного Дагестана этих обычаев не придерживались.

* * *

Этикетные отношения характеризовались также составом блюд, кушаний на столе.

У большинства горских обществ Дагестана обязательное угощение гостя отваренной бараньей или говяжьей (бычьей) головой не практиковалось. В знак особого уважения к гостю, голова к столу подавалась в некоторых селениях лакцев (Аштикулинского участка), у андийцев, ахвахцев, хваршин, у кайтагских даргинцев. Обычно гость раздавал присутствующим кусочки языка и глаза, сам слегка отвеживал блюдо, после чего оно уносилось, а к столу подавались другие блюда.

* * *

У салатавских аварцев и сюргинских даргинцев местами наиболее почётного гостя чествовали сваренной верхней частью (без нижних челюстей) головы зарезанного в честь его приезда быка, бычка. Гость вёл себя примерно так же, как и в предыдущем случае: одаривал кусочками мяса присутствующих, слегка пробовал сам и отсылал оставшуюся часть со стола.

* * *

Оказывая честь знатному гостю из Кумыкии, горцы Дагестана среди прочих блюд обязательно и в первую очередь подавали на стол сваренную курицу целиком, либо печень курицы. То и другое деликатесом, редким блюдом у горцев не считалось — здесь, скорее всего, сказалось некое следование традициям кумыков, сложившимся у них, в свою очередь и скорее всего, под влиянием северокавказских народов.

* * *

Независимо от состава блюд, к столу обязательно подавалась соль. Ставилась она в объёмной посуде и в значительном количестве; отсутствие соли на столе было бы равнозначно признанию нежелательности дальнейших встреч с гостем; чрезмерно малое её количество могло быть воспринято гостем как предложение не особенно затягивать свой визит.

* * *

Нежелательным было отсутствие на столе свежего или топлёного масла, сметаны и особенно мёда. Наличие последнего, особенно в

сочетании с первым и вторым, традиционно подчёркивало, символизировало радость и удовлетворение хозяина по случаю приезда гостя, кунака. Интересно отметить, что за всё время застолья гость мог к этим продуктам и не притронуться. Ничего обидного для хозяев в этом не было; при повторной трапезе эти продукты к столу больше не подавались. Но если, к примеру, гость хоть слегка попробовал бы сметану, то она подавалась к столу каждый раз во всё время продолжения визита.

* * *

Подавались к столу обязательно и фрукты. Для жителей плоскости, предгорий, районов с развитым горно-долинным садоводством украсить, разнообразить стол гостя фруктами не составляло особого труда. Сложнее с этим обстояло дело в горах, где свежие фрукты населением потреблялись лишь время от времени даже в разгар сезона. Тем не менее фрукты подавались и здесь, иначе могло сложиться мнение, что радушие и гостеприимство хозяин проявил не полностью.

* * *

Более или менее состоятельные семьи запасались наименее скоропортящимися и наиболее холодостойкими сортами груш, яблок и хранили их чуть ли не до лета — на случай приезда гостей. Гость, следуя традиционным приличиям, в последних случаях не столько сам ел фрукты, сколько, разрезав на кусочки яблоко, грушу, айву, раздавал присутствующим.

* * *

В селениях, куда фрукты только завозились, за первой же трапезой гость обычно раздавал и слегка пробовал сам не более пары фруктов и больше к ним не притрагивался до отъезда.

* * *

Поданный к столу мясной бульон гость должен был съесть до конца, поэтому хозяин выбирал для него посуду среднего размера — не очень маленькую и не чрезмерно большую. Приправ и специй к мясу, хинкалу на столе должно было быть как можно больше — воспользоваться ими или мягко отвергнуть гость мог только после предложения хозяина или его ближайшего окружения.

* * *

Уделяя всё своё внимание гостю, хозяин постоянно был настороже, опасаясь ненароком обидеть гостя, задеть его самолюбие. Так, рог с хмельным, бокал для гостя наполнялся до краёв, но с таким расчётом, чтоб гость не опасался расплескать содержимое и не чувствовал себя скованно. Гость никогда не притрагивался к большому куску мяса или целому чуреку, лепёшке, лежащим перед ним: мясо подавалось небольшими кусками, хлеб — разрезанным (чаще — разломанным) на куски, и так далее.

* * *

Рядом с постелью гостя на ночь обязательно ставились сосуд с питьевой водой и тарелка (миска, поднос) с фруктами, пирогами, с какой-либо сдобой и др. Оказывая уважение дому, гость должен был отведать хотя бы что-нибудь из оставленного на ночь, иначе мог вызвать обиду хозяев.

* * *

Хозяева и гости обычно обменивались подарками. У народов Западного Дагестана было в обычае одаривать гостя вязаными шерстяными носками и сапогами — для гостя и для членов его семьи. Оказывая хозяевам подчёркнутое уважение, гость мог тут же примерить обувь и обычно восторженно отзывался о мастерстве хозяйки дома, её дочери.

* * *

Провожая гостя, хозяева дарили ему продукты (сушёное мясо, курдюк, колбасы, топлёное масло, сыр, мёд, урбеч и др.). Кроме того, хозяин дома мог подарить гостю черкеску, бурку, кинжал, коня, то или иное количество скота и др.

Подарок зависел от благосостояния хозяина, от общественного или социального статуса гостя, от степени прочности и давности взаимных дружеских уз и др. От перечисленных и прочих условий зависели и подарки гостя хозяину и членам его семьи, вручаемые чаще всего перед окончанием визита. В обоих случаях отказываться от подарков было не принято.

* * *

Постоянное оказание внимания в виде обмена подарками было характерно между сторона-

ми жениха и невесты в предсвадебный период и некоторое время после свадьбы. При этом и интенсивность актов дарений, и ценность подарков со стороны жениха, молодого супруга и его родственников была заметно выше обратных знаков внимания.

* * *

У многих горских народов Дагестана накануне свадьбы сторона жениха посылала в дом невесты продукты для приготовления угощения членов процессии, пришедших за невестой: какое-то количество муки, масла, сахара, мяса и проч. Выгрузка всего этого не в доме, а у дома невесты считалась для родителей последней оскорбительной.

* * *

Среди принесённых подарков стороной парня в дом девушки в период сватовства нередко был поднос с несколькими чуреками или пирогами с куском курдюка. Если курдюк лежал под мучными изделиями, сторона девушки воспринимала это как проявление пренебрежения, граничащего с неуважением, высокомерием. Положение можно было исправить, только разделив принесённый кусок курдюка на куски и тут же съев их без хлеба и соли. В таком случае происшествие обретало характер розыгрыша, шутки.

* * *

Нешуточное неудовольствие родителей и родственников девушки могла вызвать доставка в дом стороной жениха передней половины (половин) туши барана или задней половины, но не на подносе, а в мешке, завернутой в тряпку или принесённой просто в руках. Тут уже поправить положение можно было только принесением искренних извинений и быстрым исправлением ошибки, недоразумения, оплошности.

* * *

По обычаям лакцев группы селений в нынешнем Акушинском районе, при сватовстве нельзя было одаривать девушку единичным подарком: парой серёжек, кольцом, браслетом и проч. В таких случаях к девушке, к молодой женщине надолго «прилипала» кличка «цаннин бувлусса» — «выданная за единичное».

* * *

Пришедшая к родителям потенциальной невесты, мать, тётка, старшая замужняя сестра юноши просила у хозяев на время мешок, лопату, предмет кухонной утвари и проч. Затем, сославшись на необходимость зайти ещё куда-то, пришедшая просила с означенным предметом к ней домой послать запримеченную девушку. Если родители вежливо в этом отказывали («то, что вам нужно, мы пришлём с её младшим братом, т.к. дочь занята», «она очень стеснительна, с вещью мы пошлём к вам нашу девочку, её младшую сестру» и др.), это означало, что сватов в этот дом лучше не посылать. Если родители не возражали, но в дом с предметом приходила всё-таки не девушка, а её младший брат, сестра, это означало, что родители против сватов ничего не имеют, но дочь не согласна. Если девушка приносила оговоренную вещь, но отказывалась от предложенного ей подарка (колечка, какого-либо количества пряжи, клубков шерстяных ниток и проч.), значило, что вниманием юноши этого дома она не польщена, но готова подчиниться воле родителей. Понятно, что приход девушки и принятие ею подарка означали полное взаимопонимание и согласие обеих сторон.

Влада Бесараб

Пленэр

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦУЦАР

Цуцар — маленькое, точнее, **очень маленькое** село в Кулинском районе. В дословном переводе — «новое поселение», из чего можно сделать вывод, что предки нынешних цуцарцев когда-то жили совсем в другом месте. Говорят, что архивные данные об истории села сгорели при пожаре 1939 года, поэтому выяснить что-либо сейчас практически невозможно.

Семья Галины Алиловой (Юсуповой), чьи работы мы представляем сегодня в рубрике «Пленэр», родом из Кули, а Цуцар — родовое село её мужа. Впервые она попала туда летом 2014 года, через месяц после свадьбы, так что можно считать эту поездку свадебным путешествием.

ДАГЕСТАН

Вообще-то молодые ехали навестить родственников в Кули, но, проезжая мимо Цущара, Галина уговорила мужа заглянуть в село: «До этого момента он никогда там не был, потому что их семья давно переехала; от родового дома ничего не осталось. Мы бродили по улицам, я фотографировала и понимала, что мне здесь очень нравится».

Конечно, «чужаков», праздно шатающихся по селу, заметили: ворота одного из дворов приоткрылись, и хозяйка вежливо поинтересовалась у непрошенных гостей, чьих, мол, будете. Конечно, выяснилось, что самых что ни на есть «своих» — хоть и очень дальней, но родней. А как же иначе, ведь Цущар — село маленькое! Гости тут же завели в дом, усадили за стол, долго расспрашивали и не хотели отпускать.

Среди рисунков цущарской серии — портрет старушки. Это Маазат — родная бабушка мужа художницы. Ей 89 лет и она давно уже не только прабабушка, но и прапра- — у неё пять праправнуков!

«Меня потрясла история любви бабушки Маазат и дедушки Габидуллаха, — говорит Галина. — Это было очень красиво и романтично — как в книгах, как в кино! Однажды Маазат, которой тогда было 15 лет, пошла за водой. На улице было сыро, она надела отцовские галоши и очень стеснялась того, что они такие огромные и грязные, поэтому старалась незаметно проскочить мимо центра села, чтобы её никто не заметил в столь неприглядном виде. А Габидуллах тогда только-только вернулся из армии. Весёлый, красивый парень — завидный жених. И он её увидел — в простом платье, с кувшином, в этих страшных галошах — и влюбился. Да так, что расторг помолвку и засватал её. А потом началась война, он ушёл на фронт, и она его ждала. Он вернулся в 1943 году после тяжёлого ранения, они поженились, и у них было восемь детей: два сына и шесть дочерей».

Маазат и Габидуллах ещё молодыми переехали в Каспийск, где построили дом и прожили свою счастливую долгую семейную жизнь. Бабушка Маазат и сейчас живёт в Каспийске и в селе не была очень давно. Но, сохранив в своём преклонном возрасте ясный ум и твёрдую память, она

так живо и ярко рассказывает о Цущаре, о том укладе жизни, который был принят во времена её детства и юности, о том, как сельчане пережили тяжёлые годы войны, что для молодой невестки Галины — натуры творческой и впечатлительной — село тоже стало родным.

Теперь семья Алиловых бывает здесь регулярно. Останавливаются в недавно построенном доме, который служит эдакой дачей для всех многочисленных городских родственников. Дом стоит на возвышении, немного в стороне от других, и сразу выделяется на общих фотографиях села современным видом и кирпичным забором. Галина говорит, что в нём есть всё необходимое, и быт не сильно отличается

от городского. Они с мужем задумываются и о постройке собственного дома в селе, пусть и не такого большого.

Сельский Дагестан является излюбленной темой творчества Гали Алиловой. «Мой отец Аха Юсупов — кандидат наук, геолог, много ездил по горным районам. А мне нравилось ездить с ним, когда была возможность, слу-

шать его рассказы. Он увлекается фотографией, любит снимать природу. Мне тоже очень нравится фотографировать: и природу, и архитектуру, и людей, конечно», — рассказывает художница. То есть её внимание к Цущару, уютно устроившемуся на пологих живописных склонах у речки Кунних, объясняется не только желанием поближе узнать места, где разворачивались события семейной истории. Способность видеть красоту неровных каменных стен старых домов, дверей из толстых, рассохшихся от времени досок, кизяка, выложенного рядами на просушку, или старой ржавой печки, выставленной во двор за ненадобностью, умение замечать детали, ускользающие от взгляда обывателя, были

заложены родителями и отшлифованы годами учёбы в мастерской графики худграфа ДГПУ.

Дипломная работа Алиловой, которую она блестяще защитила в 2015 году, — графическая серия портретов пожилых горцев, выполненная в одной из техник офорта, травленным штрихом. Все герои — реальные люди, Галина изучала натуру в ходе многочисленных поездок в горы, собирала материал, делала зарисовки. «Дорогие мои старики» называлась серия, и все члены комиссии единогласно сошлись во мнении, что с первого взгляда на работы видно, насколько герои дороги автору. Не случайно

первый из портретов серии, выполненный ещё на пятом курсе, вошёл в собрание Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого в Санкт-Петербурге. Серия «Дорогие мои старики» вызывает размышления о смене поколений, преемственности культуры, внутренней близости, связывающей современных дагестанских горожан с горцами, которые родились и выросли в сельской местности. Рисунки, сделанные в Цущар, рассказывают об этом же, только другим языком.

Для Галины и в жизни очень важно сохранить свою культурную идентичность, чтобы в дальнейшем передать её своим потомкам — как в виде неких материальных ценностей, так и в виде ценностей духовных, прежде всего, языка. Галя хорошо владеет лакским, с удовольствием общается на нём со старшими родственниками и собственным сыном, которому почти два года.

Материнство и семейные хлопоты не позволяют пока вернуться к офортам — техника трудоёмкая, требующая не только времени, но и материалов, работать с которыми дома небезопасно. Поэтому пока она в основном рисует, фиксирует идеи, накапливает материал.

Владимир СЕВРИНОВСКИЙ

МАМА, МЫ ВСЕ СОШЛИ С УМА

Дра-ма-тур-гия

Четверо британцев склонились над картой Северного Кавказа, испещрённой стрелками и кружочками. Главный — рыжий, с короткой шкиперской бородкой — тыкал пальцем:

— Разделавшись с казаками, мы попадаем во Владикавказ. Оттуда через Горную Ингушетию движемся на Грозный. Границу Чечни будем брать здесь. Снимаем военных, обыски, проверки, потом едем дальше.

И он жирно обвёл место, где трассу Кавказ пересекала тонкая пунктирная линия.

— Возражений нет?

— Всё хорошо, только у нас небольшая проблема, — сказал я. — Между Ингушетией и Чечней нет укреплённой границы. Даже мало-мальски заметного блокпоста.

Четыре пары глаз уставились на меня.

— Как это нет? — возмутился бородач. — Информаторы рассказывали... Да и в газетах писали...

— А вот так, — пожал я плечами. — Нету. Только кирпичное здание с портретами вождей, и всё. Хотите — выйдите из машины и прогуляйтесь пешком. И вас никто

не остановит. Или снимите блокпост между Ингушетией и Северной Осетией. Там, хоть и не всех, но проверяют.

Рыжий посмотрел на меня, как на маленького ребенка:

— Ты не понимаешь. Нам нужна только чеченская граница. С автоматчиками и блокпостами.

— Вы же собирались ломать стереотипы. Показывать, что теперь сюда безопасно ездить.

— И мы ломаем, не сомневайся! Всё ломаем! Но нам нужны драма и конфликт. Чтобы заинтересовать зрителей безопасностью, надо сперва нагнать жути. Это называется дра-ма-тур-гия! Понял?

Я вздохнул. Как не понять. Уже три дня мы работаем со съёмочной группой английского телеканала Channel 4. Британцы снимают шоу о приключениях знаменитого путешественника Левисона Вуда на Кавказе. В каждой стране он берёт спутника, обычно из местных. Когда Лев в начале карьеры брёл пешком от устья до истоков Нила, телеведущему улыбнулась невероятная удача — партнёр погиб от солнечного удара. Рейтинги взлетели до небес, но сохранять их было непросто. Порой мне казалось, что рыжий режиссёр уж слишком выжидательно поглядывает на нынешнего напарника Лева — карачаевца Рашида.

Если бы палата мер и весов искала эталон кавказца, у Рашида были бы отличные шансы. Крепкий, носатый, с курчавой бородой, он был словно создан для бурки и папахи. Ещё недавно Рашид играл рок и путешествовал по Америке, теперь же стал истовым мусульманином, облачил жену в хиджаб и оставил гитару, не одобряемую религией. Но приключения ещё звали его, а потому Рашид охотно втянулся в нашу авантюру.

Левисон Вуд красиво прибыл из Сочи на вертолёте, и путешествие началось. Шотландская газета The National так живописала этот исторический момент: «С первых шагов он наткнулся на классическую советскую враждебность: поначалу вертолёт не мог приземлиться, поскольку рядом была дача Путина. Пришлось устремиться вперёд, через зазубренные горы Кавказа, чтобы в итоге высадить Левисона посреди бесцветной пыльной дороги далёкого юга России». Жаль, что

в статье не было ни слова о фиксерах, которые прибыли на место «вынужденной» посадки ещё до того, как вертолёт поднялся в воздух.

Ленин-трансформер и бдительные ногайцы

Облака проносятся со страшной быстротой, но внизу — спокойствие и тишь, лишь увлечённо кудахчут куры, ковыряясь между рельсами заброшенной узкоколейки. Она уходит в лесистые горы, кольцом обступающие посёлок Мезмай. Совещание закончено, пора ехать, но садиться в машину неохота. Водитель, о ужас, оказался из казаков. Когда-то я едва не получил от одного из них шилом в живот, и с тех пор этих ребят недолюбиваю. Вот и оттягиваю встречу, знакомясь с достопримечательностями посёлка.

— Где тут скала Ленина? — спрашиваю у деловитой бабки с вёдрами.

— Встань здесь и взгляни наверх, — командует она. — Видишь профиль Ильича? Лоб, нос, борода...

— Вижу, — киваю я, всматриваясь в гранитную глыбу.

— А теперь отойди, и Ленин превратится сперва в таксу, а потом в крокодила.

В кармане вибрирует телефон.

— Это съёмочная группа? Извините, в районе вас не примут. Человек, у которого вы могли бы переночевать, сегодня занят.

— Ничего страшного, — отвечаю я, уже предчувствуя следующую реплику собеседницы.

— Люди на Кавказе гостеприимные, без крыши над головой не останемся. Найдём музыкантов, мастеров. Вместе приготовим еду. Мы хотим рассказать миру о вашей культуре...

— Никто вас не примет, — голос отливает холодным металлом, словно ружейный ствол. — Даже не пытайтесь.

Впоследствии мне сказали, что иностранцев в Ногайский район Карачаево-Черкесии не пустила ФСБ. Но тогда у меня хватало других забот — Лев и Рашид, вооружившись небольшими камерами, готовились путешествовать автостопом. Фиксерам во главе с продюсером проекта — бодрой девушкой по имени Даяна — предстояло мчаться впереди и искать приключения на заднице героев нашего шоу.

Монашка и ветеран

На лице Даяны — круглые чёрные очки, на руке — татуировка: «Мама, мы все сошли с ума». Кажется, это — девиз всех фиксеров и продюсеров документального кино. Наша работа похожа на планирование туристических маршрутов в той же степени, в какой музыкант-импровизатор похож на композитора. Ноты те же, но по мановению руки режиссёра минор надо мгновенно сменять мажором, марш — вальсом; иногда человек в штатском закрывает ладонями пару октав, а в итоге должно получиться произведение уровня хотя бы Гайдна. А потому сутками висишь на телефоне, споришь с людьми, гонишь машину вперёд и привозишь то мусульманского винодела, то кавказскую свадьбу со стрельбой, то эпическую сцену кастрации баранов, за которую впоследствии артхаусный режиссёр неделями бьётся с телекомпанией: «Это не мошонка, тупицы! Это — символ жизни и смерти!»

Знания в нашем деле важны, но куда важнее везение. Однако Левисон Вуд прославился не просто так. Удачи у него хоть отбавляй. Сперва он встретил подпоясанного вервием бородатого старовера со свободным английским. Затем — 94-летнего ветерана Великой Отечественной, который лелеял несбыточ-

ную мечту переспать с монашкой, поскольку любой свершитель сего подвига попадает в рай. Затем — одинокую монашку, живущую возле Архыза... Даже когда казаки едва не отказались вслед за ногайцами принимать иностранцев, наш водитель внезапно оказался не простым станичником, а цельным еса-

улом. И звенели стаканы, и водка лилась рекой, а притворявшиеся сельчанами хмурые фээсбэшники только добавляли пряности телевизионной картинке.

Лев бунтует

— Раньше сын был рокером. Играл на гитаре, фанател от Курта Кобейна, курил вот это. — Мать Рашида многозначительно помахивает веточкой укропа.

Стол ломится от яств. Операторы сидят рядом с путешественниками, остальные приютились чуть поодаль. Орудием вилок тихо — зрителям должно казаться, что обедают только двое. Женщины вносят всё новые блюда. Удивительно, что у матери нашего эталонного горца тонкое лицо советской интеллигентки. Её и в платке-то сложно представить, не то что в хиджабе.

— Я сама атеистка, — тихо говорит она, ставя на стол тушеную баранью ногу. —

Поначалу мы боялись его увлечения религией, но, может, оно и к лучшему. Хотя бы пить и курить бросил...

В коридоре жена Рашида вручает нам на дорогу увесистые пакеты с мясом в фольге. Раньше она работала журналистом, теперь держит контору переводов на дому.

— Удачи вам! — и добавляет: — В лучшем мире я была бы путешественником...

Скоро закат, а нам ещё надо найти заброшенный сарай для ночевки — Лев требует больше трудностей. Съезжаем с трассы, бредём вдоль деревни. Сельчане наперебой приглашают в гости, британцы в ужасе отказываются:

— Нас снова будут кормить!

Наконец, убежище найдено. Ведущие и операторы остаются зябнуть в спальнях, а фиксеры с облегчением едут в отель. На следующий день нам предстоит разобраться со спецслужбами — глава селения доложил о подозрительных иностранцах, которые отказались от ночлега в доме и окопались где-то в овраге. Переговоры с людьми в погонах тоже входят в обязанность фиксеров. Непростое испытание, но ещё сложнее договориться с самим Левом. Окрылённый успехами, ведущий заявил, что отныне будет

искать приключения сам, без нашей помощи — как много лет назад, когда он впервые приехал в Россию безденежным юнцом и ночевал в тёмном сочинском переулке.

— Ну и пусть, — не унывает Даяна. — Станем действовать скрытно. Пусть считает себя великим путешественником, а мы устроим ему случайные встречи.

Мама, мы все сошли с ума, сошли с ума, сошли с ума...

Маленькое чудо

Вечер во Владикавказе. Тихонько проскальзываем в ворота с ярким солнечным символом. Ещё недавно здесь был сквот неформалов — художников, певцов, ремесленников... Теперь всюду серый строительный мусор. Днём рабочие разрушают нелегальные постройки и возводят стены. Скоро тут будет музей, а пока бывшие сквоттеры тайком пробираются сюда вечерами и поют песни у костра.

Лестница без перил уходит вверх, в непроглядную темноту. Лучи фонариков высвечивают то чёрного горца со звёздами в бурке и галактикой в голове,

то Платона с Аристотелем. В широком зале, границы которого тают во мраке, притаился старый дрезденский рояль. Ладонь смахивает с крышки густую пыль, и тут же, словно по волшебству, три девушки необычайной красоты начинают петь.

— Unbelievable! — восклицает Левинсон, не забыв навести на себя камеру.

— О чём песня? — спрашивает Рашид.

— О войне. У нас много песен про сражения. Тогда их героями восторгались, а живи они в наше время — сочли бы серийными убийцами...

Девушки смолкают. Новую песню затягивают мужчины. Мусор хрустит под ногами операторов. Совсем близко перезваниваются трамваи ничего не подозревающего города. Прячусь за стеной, чтобы не попасть в кадр. Этот визит запланирован и утверждён, у операторов похмелье, Лев повторяет дежурные слова восхищения, которые он расточал

с равной горячностью и тибетским, и перуанским ламам. Отчего же эта минута кажется такой поразительно, до дрожи, настоящей? Сегодня наша команда не слишком приятных, постоянно ссорящихся людей совершила маленькое кинематографическое чудо. Мы поймали кусочек подлинной жизни, который теперь, множась, разлетится по всему миру.

Искусство фиксера

— Девушки в хиджабах на рок-концерте? На сцене? Ты не должен вести туда британцев! Почему? Да потому, что не должен!

Рашид почти кричит, возбуждённо шагая из угла в угол. Я тоже на взводе — ответственный за безопасность забыл все деньги группы во Владикавказе. Надо срочно слать за ними водителя. Вдобавок, я четыре часа провисел на телефоне, договариваясь с чеченскими бойцами без правил, а съёмку внезапно перенесли с вечера на утро.

— Не беспокойтесь, завтра на спарринге накажем вашего ведущего за нерешительность, — ободряет меня по WhatsApp некий «Зелимхан ММА».

— Ничего заранее не готовить! — ревёт Лев.

— Мне нужен детальный план на ближайшие три дня! — грохочет режиссёр.

А безопасник участливо спрашивает:

— Скажи, Влад, если мы будем критиковать Кадырова, тебя за это не убьют?

По его лицу видно — гибель фиксеров не способствует высоким рейтингам.

Выходим с Даяной из гостиницы. Она звонит на стадион — купить билеты на футбол. Швейцар в малиновой фуражке взволнованно машет руками:

— Не верьте им, всё бесплатно! Подождите пять минут!

Он ныряет в дверь, и вскоре действительно возвращается с бесплатными билетами для всей съёмочной группы.

— Окау, sure, sure... — бормочет в трубку Даяна. И, обращаясь ко мне: — Отменяй бойцов без правил.

— Совсем?

— Совсем. Ребята устали, и завтра будут отдыхать до полудня.

— Но ведь я договорился. Дважды!

— Ты так и не понял? — холодный взгляд из-под очков. — Искусство фиксера в том и заключается, чтобы всех кидать. Срывать сроки, переносить встречи, а потом на них вовсе не являться, если того потребует режиссёр. Но при этом сохранять со всеми хорошие отношения, чтобы повторить то же самое со следующей телегруппой.

Я плюхнулся в машину и в бессильной ярости ударил кулаком по приборной панели.

— Что, и тебя достали англичане? — спросил есаул и понимающе потянулся за бутылкой.

Стуча зубами о граненый край, я залпом выпил стакан — впервые за много лет.

Вокруг сгушалась тьма. Англичане давно спали — кроме одного оператора, который бродил по холлу и, должно быть, пытался вспомнить, кто ему вчера поставил фингал под глазом. А русская часть экспедиции пила водку. Я горланил казачьи песни, есаул достал флешку с «Металликой», и все мы ощущали себя братьями и единым народом.

Рок-концерт в Грозном

— Мы и не представляли, что такое бывает в Чечне! Разве рок у вас не запрещён?

Молодой чеченец пристально смотрит на удивлённого Левисона и изрекает с невозмутимостью британского лорда:

— Как говорил Ахмат-хаджи Кадыров, и невозможное возможно!

Лев с хвостом из операторов движется дальше. Рашид опасливо оглядывает клуб в поисках девушек в хиджабах с электрогитарами и, не найдя их, облегчённо идёт следом.

— Но ведь, кажется, это слова Димы Билана? — спрашивает кто-то из зрителей.

Но остряка нелегко сбить с толку:

— Если даже какой-то Билан пел, неужели сам Ахмат-хаджи не мог так сказать?

На сцену тем временем поднимается старая гвардия, ещё в СССР лабавшая запрещённый Пинк Флойд. Начищенные ботинки отбивают ритм. Седой солист поёт негромко, с хрипотцой, но каждое слово разносится по всему залу:

We don't need no education

We don't need no thought control

No dark sarcasm in the classroom

Teachers leave them kids alone...

И пёстрые ряды грозненцев подхватывают:

Hey! Teachers! Leave them kids alone!

All in all, it's just another brick in the wall.

— Прекрасная сцена! — шепчет режиссёр. — Жаль, что не пойдёт.

— Но почему?

— Ты хоть представляешь, какие роялти надо уплатить, чтобы в передаче была эта песня?

Старых рокеров сменяет фолк-группа, фолк-группу — маленький щуплый металлист, рычащий в микрофон как бешеный медведь. Рашид, давно порвавший с музыкой, истовый мусульманин Рашид смотрел на сцену, не мигая. Губы его шевелились, беззвучно повторяя слова, пальцы перебирали невидимые струны. Наконец он не выдержал. Рванулся вперёд,

чуть ли не силком выхватил гитару и запел. О далёкой Америке, родных карачаевских горах и, конечно, молодой любви, о которой так и надо петь — громко, искренне, под одобрительные хлопки девочек в хиджабах и девочек без хиджабов; и кажется, не было в тот момент на всём Кавказе более счастливого человека.

Гостеприимство с автоматом

— Приехали. Блокпост на границе Чечни и Дагестана за поворотом, — сообщил я по радиации. — Всё как вы хотели — и автоматы, и укрепления.

Машины остановились на узкой горной грунтовке. Сеялся мелкий снег. Операторы перетряхивали сумки в поисках тёплых вещей. Один отложил в сторону белый халат с монограммой отеля «Грозный-Сити», у другого из багажа, словно пучок укропа, высунулись кисти молитвенного коврика. Лев и Рашид переминались на морозце, сжимая привычные камеры.

— Лучше сперва мне пойти, — предложил я. — Кто знает, как они отреагируют на иностранцев, да ещё с камерами. А меня

там знают. Я быстро объясню, что к чему.

— Ну уж нет, — отрезал режиссёр. — Нужна опасность. Пусть на них кричат, пусть наставят пушку. Ты, главное, гарантируй, что они не застрелят Лева.

Я обещал, и путешественник с верным напарником отправились вперёд — прочь от фиксеров и продюсеров, крикливого режиссёра и шеренги сопровождающих машин. Лев шагал навстречу неизвестности, как в старые добрые времена. Только метель, дорога и горы, а впереди — опасности и открытия...

Через полчаса остаток группы подъехал к блокпосту.

— Как гостей встретили?

— Как надо, — полицейский показал большой палец. — Они довольные ушли.

Пять месяцев спустя выяснилось, что страж границы вместо того чтобы хвататься за оружие, хохмил напропалую, чем едва не разрушил тонкий замысел режиссёра. Как постепенно развенчивать стереотипы о Дагестане, если они предательски рухнули в самом начале пути? Лев застыл в нерешительности. Оставить всё, как есть, честнее,

но Его Величество Рейтинг шутить не любит. Да, ночевать в промозглых оврагах и видеть мир, какой он есть, приятно. Но ещё приятней сознавать, что ты в любой момент можешь из этого оврага вылезти и заселиться в пятизвёздочный отель. А для этого нужны компромиссы.

Полицейский удивился странному желанию иностранца. Но недовольными гостей отпускать нельзя. А потому он пожал плечами, надел давно лежавшую без дела чёрную балаклаву, достал автомат и рявкнул: «Стой, стрелять буду!» Драматургия была спасена.

Премьера телефильма прошла в Британии с огромным успехом. Журналисты превозносили отвагу Левисона Вуда, обогнувшего Кавказский хребет — «эту границу между свободой и тиранией». Путешественник в интервью всю «разрушал шаблоны» историями о кавказском гостеприимстве, не забывая упомянуть суровых стражей с автоматами и козни КГВ. Рашид вернулся в родной Кисловодск. А я стгоряча решил больше никогда не работать фиксером. Но вскоре, конечно, передумал: кино — могучий наркотик, и слезть с него непросто.

С тех пор я видел разные съёмочные группы, и даже у самых честных Кавказ получался

далёким от того, каким я его знаю. Как наверняка и мои истории далеки от представлений многих сведущих людей, которые, в свою очередь, противоречат друг другу. Но эти споры лишь подчёркивают нашу схожесть. Велика ли разница между циником, играющим на чужих иллюзиях, и идеалистом, распространяющим свои? Едва ли. Включать в поисках истины телекамеру так же наивно, как включать с той же целью телевизор. И всё же наше дело не безнадежно. Пускай абсолютная правда недостижима. Кому она приносила счастье? Куда важнее сохранить, если не на картах памяти, так хоть в собственном мозгу, оживающий роля под слоем пыли, невозможный рок-концерт, минуты душевной близости с теми, от кого их меньше всего ждёшь, — все эти крохотные драгоценные вспышки красоты, которые и придают смысл жизни.

Борис Войцеховский

Вот все культурные люди в Дагестане говорят (иногда, даже одновременно памятники ставя) — мол, даааа, Расул Гамзатов, ооо, Сулейман Стальский, ууу, Ахмедхан Абу-Бакар, вабабай, Махмуд из Кахабросо!

Я это все понимаю. Но не понимаю совершенно!

По мне, лучший дагестанский поэт — это, несомненно, Ахмед Мунги. И совсем не потому, что кубачинец, а потому — что человечиче, кайфарик, балдежник, жизнелюб, бабник, трепло и ни разу не зануда, потому что через край, наплевав на, подтрунивая над собой, обжимаясь с бабами и не покладая рук.

Таковыми настоящие поэты быть и должны.

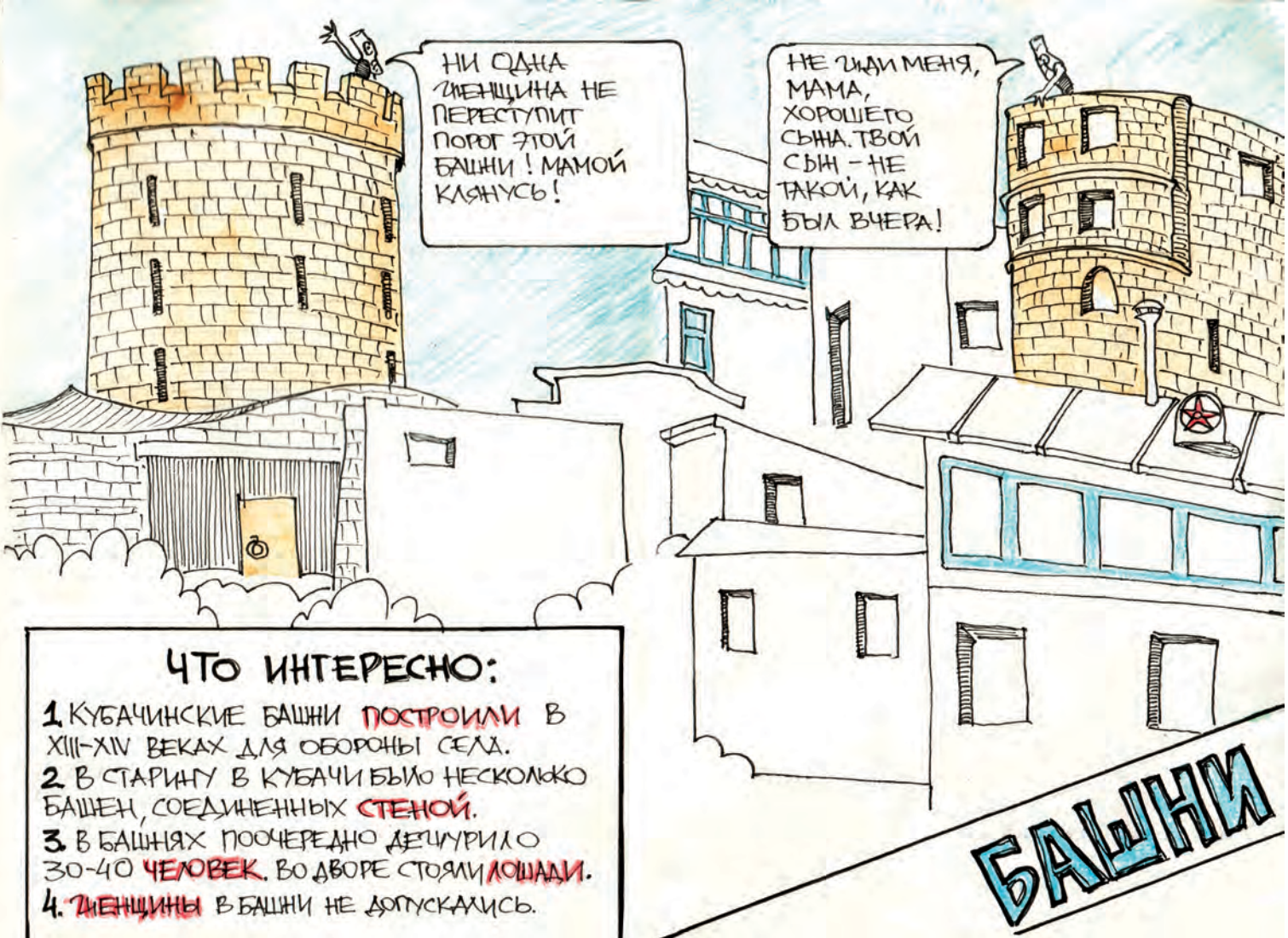

БЫЛ СЛУЧАЙ:

ОДНАЖДЫ НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ РОДИТЕЛИ НЕВЕСТЫ РЕШИЛИ СПРЯТАТЬ ВСЕ ЦЕННЫЕ ВЕЩИ. ОБИДЕВШИСЬ, ГОСТИ УНЕСЛИ ИЗ ИХ ДОМА ПАПУ. НА ПАМЯТЬ.

УКРАЛИ ПАПУ

ЖЕРТВА ТРАДИЦИЙ

НИ ОДНА ЖЕНЩИНА НЕ ПЕРЕСТУПИТ ПОРОГ ЭТОЙ БАШНИ! МАМОЙ КЛЯНУСЬ!

НЕ УДИМ МЕНЯ, МАМА, ХОРОШЕГО СЫНА. ТВОЙ СЫН - НЕ ТАКОЙ, КАК БЫЛ ВЧЕРА!

ЧТО ИНТЕРЕСНО:

1. КУБАЧИНСКИЕ БАШНИ ПОСТРОИЛИ В XIII-XIV ВЕКАХ ДЛЯ ОБОРОНЫ СЕЛА.
2. В СТАРИНУ В КУБАЧИ БЫЛО НЕСКОЛЬКО БАШЕН, СОЕДИНЕННЫХ **СТЕНОЙ**.
3. В БАШНЯХ ПОЧЕРЕДНО ДЕЩУРИЛО 30-40 **ЧЕЛОВЕК**. ВО ДВОРЕ СТОЯЛИ **ЛОШАДИ**.
4. **ЖЕНЩИНЫ** В БАШНИ НЕ ДОПУСКАЛИСЬ.

БАШНИ

ТАНЦЫ

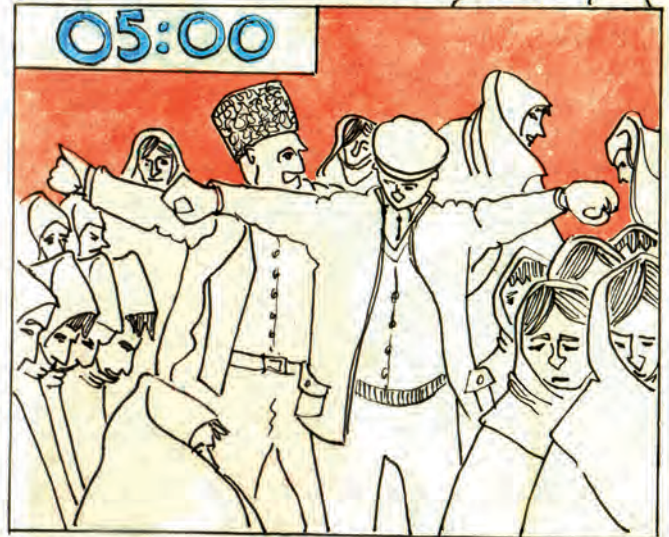
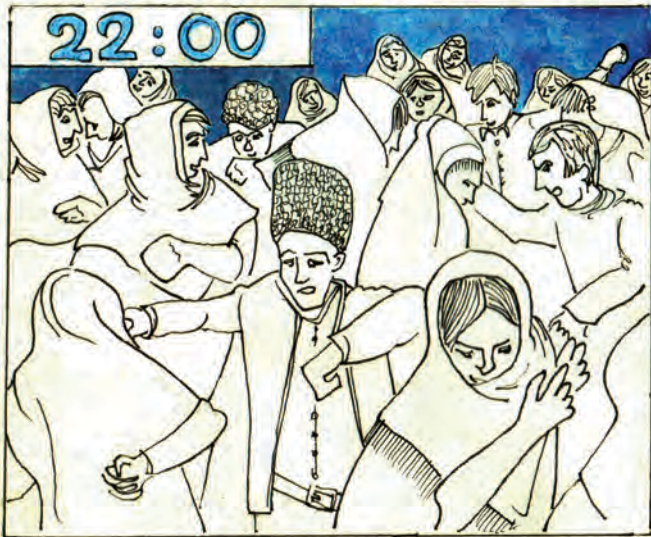
ЧЕТВЕРГ НА КУБАЧИНСКОМ ЯЗЫКЕ - ХАМИС БЕ. ЭТО СЛОВО СТОИТ ЗАПОМНИТЬ НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ПО ЧЕТВЕРГАМ В КУБАЧИ РАБОТАЕТ РЫНОК. ЭТОТ ДЕНЬ В АУЛЕ - ВЫХОДНОЙ. СДЕЛАВ ВСЕ ПОКУПКИ И ОТДОХНУВ, КУБАЧИНЦЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ТАНЦЫ. ПЛЯШУТ ВСЕ! ПРИЧЕМ - ОТ ЗАКАТА И ДО ПОЛНОГО ИЗНЕМОЖЕНИЯ. ТО ЕСТЬ ДОЛГО!

КАК ПЛЯШУТ:

КУБАЧИНЦЫ МОГУТ ТАНЦЕВАТЬ МНОГО ЧАСОВ ПОДРЯД. НО ЛИМ ЭТО СОВЕРШЕННО НЕ НАДОЕДАЕТ ДАЖЕ НЕСМОТЯ НА ТО, ЧТО,

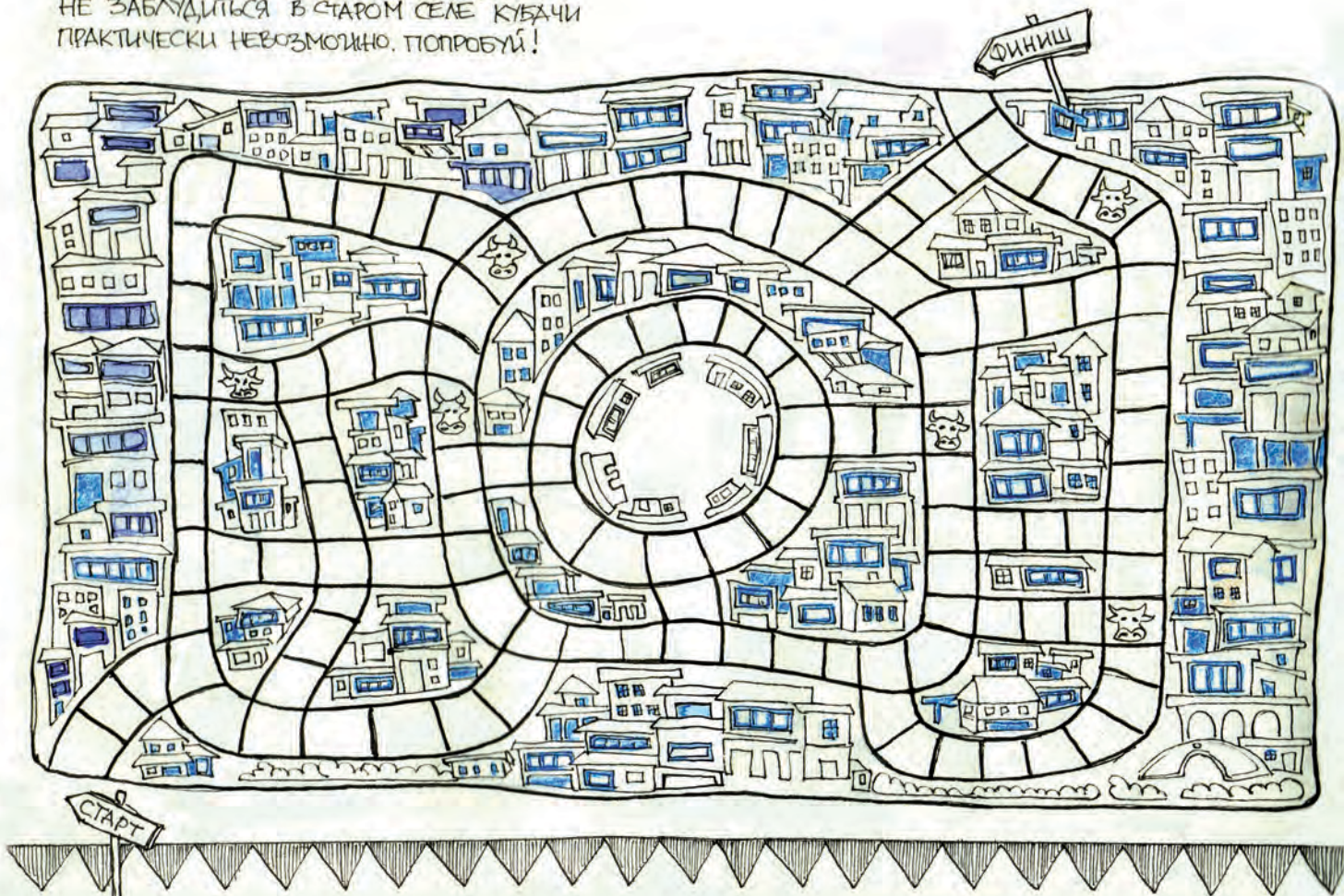
СОБСТВЕННО, ВСЕ ТАНЦЫ У НИХ НА "ОДНО ЛИЦО", ТО ЕСТЬ МЕЛОДИЮ. И ИСПОЛНЯЮТ ИХ СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВО. ЕСТЬ ТОЛЬКО МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ПАРТИИ.

ДАМЫ НЕ ПРИГЛАШАЮТ КАВАЛЕРОВ!

ЛАБИРИНТЫ

НЕ ЗАБЛУДИТЬСЯ В СТАРОМ СЕЛЕ КУБАЧИ ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО. ПОПРОБУЙ!

Влада Бесараб

ВРЕМЯ КУМУЗА

Я совсем не любитель народной музыки. Понимаю, конечно, что это основа всей современной музыкальной культуры, поэтому её надо изучать, сохранять и популяризировать. Но сама не увлекаюсь. А недавно позвонили из филармонии: «У нас новый солист появился, прекрасный гитарист и кумузист-виртуоз. Тебе нужно написать. Его инструмент звучит, как оркестр!». Полезла в интернет, нашла, послушала: действительно — как оркестр. Нужно писать.

Башир Багавдинов такому вниманию удивился, но на встречу пришёл. Мы разговаривали в его кабинете в махачкалинской школе искусств № 5, где он ведёт и класс гитары, и класс кумуза. Оба инструмента тут же, на полках, поэтому во время разговора музыкант периодически берёт их в руки. Получилось замечательно: вроде и интервью, а вроде как мини-концерт. А заодно будто и в мастерской побывала — Башир изменил саму конструкцию агач-кумуза и продолжает его совершенствовать. Показал чертежи, и на нескольких инструментах — как меняется звучание «до» и «после». Но начали мы разговор не с этого, а с воспоминаний:

— Я из села Советское Бабаюртовского района, семеро детей в семье, я — второй. Старший брат Рустам — скульптор, член Союза художников. Мы все рисовали, занимались музыкой, это у нас от отца. Он окончил культпросветучилище, был директором дома культуры в селе. Точнее, он был там и художником, и музыкантом, открыл первую художественную мастерскую в районе. Лозунги, транспаранты, красные уголки — вся наглядная агитация в районе была на нём. Мы выросли среди красок, картона, фанеры, кистей. Помогали, конечно, нам нравилось. У матери специального образования не было, но она обладала прекрасным художественным вкусом, интуитивно

чувствовала, например, какой цвет лучше использовать, и часто подсказывала отцу. И народные аварские мелодии я впервые услышал от матери, она прекрасно пела, хотя на сцене не выступала. Мама и отец — удивительные люди, удивительная пара: больше 50 лет вместе, у них даже день рождения в один день — 15 июня! Вообще, в журнал лучше о родителях написать, а не обо мне.

— Так мы и напишем. Как зовут ваших родителей?

— Абдулпатах Дациевич и Иманат Багаудиновна.

— Абдулпатах Дациевич и Иманат Багаудиновна, редакция нашего журнала

поздравляет вас с золотой свадьбой и желает всего самого наилучшего!

— Отец умел всё; кирпич класть, с деревом работать, окна стеклить — никакой работы не боялся, и нас этому учил. Ну как учил... Мы просто видели, как он трудится каждый день, как помогает всем абсолютно бескорыстно. Поскольку отец был директором ДК, а тётя Патимат там же работала художественным руководителем, то все музыканты, артисты, которые приезжали в район, — а тогда артисты филармонии, Гостелерадио постоянно ездили с гастрольями по сёлам, — приходили к нам домой. Родители были очень гостеприимными, щедрыми: я помню, как открывали двери между комнатами, и столы ставили такие длинные из одной комнаты в другую. Кто-то из соседей однажды это увидел и удивился: «Ва-а, Абдулпатах, я подумал, что ты сына женишь!». Это были не просто застолья, а целые концерты! И дагестанские песни пели, и русские народные, и романсы. Но я не могу сказать, что прямо мечтал профессионально заниматься музыкой, хотя играл на разных инструментах с детства. Это было как-то само собой разумеющееся. Стихи дома тоже часто звучали. Мой дядя — Магомед Гусейнович, очень любил поэзию, особенно Омара Хайяма

и Есенина, которого практически всего знал наизусть. Его любовь к Есенину передалась мне. Я всегда мечтал побывать на родине поэта и в прошлом году эта мечта осуществилась! Но это, наверное, не надо рассказывать?

— **Наоборот, очень надо!**

— Просто я такой человек, если увлекаюсь чем-то, то мне нужно глубже всё изучить, до сути докопаться. В прошлом году я участвовал во Всероссийском фестивале-конкурсе музыкального творчества МВД России «Щит и лира», который проходил в Рязани. Чуть ли не сразу по приезду, я попросил водителя отвезти меня в Константиново. Там такие места! Сразу про Есенина всё понятно, почему его стихи именно такие. Там нельзя не стать поэтом.

— **И всё-таки вы выбрали профессию музыканта? Отец подсказал?**

— За два года до окончания школы отец принёс мне самоучитель игры на баяне, я его освоил и поступил на музыкальный факультет педуниверситета.

— А как из баяниста вы превратились в гитариста? И, главное, когда в вашей жизни появился агач-кумуз?!

— К тому, чем сейчас занимаюсь, я пришёл поздно — уже после 40 лет. Зато это случилось именно тогда, когда я мог понять, что это действительно моё. Раньше мои интересы постоянно менялись. Гитара меня увлекала ещё в институте: я нашёл сборник упражнений, сам занимался и освоил классику. Тогда же увлёкся рок-музыкой, играл в институтской группе на электрогитаре, а в оркестре народных инструментов — на кумузе. Мне было интересно всё! В 1987 году я окончил институт и по направлению приехал в район, работал хударком в ДК Бабаюрта и преподавателем музыки в Туршунае. Неплохую по тем временам аппаратуру через сельсовет для ДК приобрели, я свой ансамбль собрал. Но мне там было тесно. Хотелось в Махачкалу, но я понимал, что, не имея своего жилья, в столице будет трудно. У тестя дом пустовал в Буйнакске, и мы с женой, подумав, переехали туда. Она у меня тоже выпускница музыкального факультета, сейчас преподаёт вокал в школе искусств № 6. А в те годы Буйнакск был довольно продвинутым городом в плане музыки: определённый круг общения, можно было достать записи. Я активно изучал самую разную музыку: купил проигрыватель и магнитофон, постоянно что-то слушал, перезаписывал. А ещё организовал свою группу — «Синтез», мы даже дали два концерта. Тогда электронная музыка как раз входила в моду.

— А на свадьбах играли? С вашим-то умением играть на всём, можно было хорошие деньги зарабатывать!

— Никогда не любил и не люблю играть на свадьбах. Мне не нравится такая музыка, я шёл туда, как на испытание. В тот период я «болел» гитарой. Ричи Блэкмор, Карлос Сантана — это были мои кумиры. И ещё Ингви Мальмстин — это шведско-американский гитарист-виртуоз, мультиинструменталист и композитор. У него потрясающий стиль. Его «Трилогию» (альбом 1986 г. — *Ред.*) я один к одному «снял» с пластинки.

— «Снял» — это воспроизвёл по слуху?

— Да-да, на слух. Тогда же я почувствовал, что сам должен сочинять. Мне хотелось, чтоб

это была музыка, сочетающая самое лучшее из разных направлений и стилей.

— Вы сочиняете «в голове» или непосредственно «на инструменте»?

— Хороший вопрос! Я сочиняю «в голове» и записываю, хотя бы примерно, ноты, а потом уже на инструменте проверяю. Нужно уметь слышать музыку внутри себя.

— В 1990 г. в Махачкалу с концертами приезжал Ян Гилан — бывший солист легендарной группы «Deep Purple», вы были на его выступлении?

— Конечно, был! Звёзды такого уровня к нам никогда не приезжали, это нельзя было пропустить. Хотя, если честно, я предпочёл бы услышать Ричи Блэкмора — гитариста «Deep Purple». (*Улыбается*). Кстати, Мальмстин как раз в 1990 году выступал с Яном Гиланом, но, к сожалению, в Стокгольме, а не в Махачкале.

— 90-е годы были трудным временем, но многие музыканты и художники сегодня вспоминают о нём с ностальгией, потому что тогда была полная творческая свобода. Вы скучаете по тому времени?

— Не скучаю, это точно. Я бы сказал, что это было дурное время, последствия которого мы до сих пор не преодолели. Что касается творческой свободы... Я и тогда сочинял то, что я хочу, и сейчас делаю то же. Но сейчас у меня есть домашняя студия, есть интернет и можно найти любую литературу или запись.

— Сейчас не нужно ждать чуда, когда звезда мирового уровня приедет в Махачкалу с концертом. Можно самому полететь в любую точку мира, чтобы послушать хоть Сантану, хоть Мальмстина.

— И это тоже много значит! Но, с другой стороны, что в 90-е, что сегодня — музыка, искусство, духовность мало кому нужны. К кому я только не обращался — от новых дагестанских бизнесменов до чиновников! Просил помочь мне со студией, пытался объяснить, что я могу внести что-то новое в нашу культуру. Молодой был, наивный... Ничего не получалось. Я тогда разочаровался сильно и ушёл в себя. Из Буйнакска мы переехали в Дубки — жена у меня оттуда; я сначала преподавал гитару, а потом оставил и это, играл на аккордеоне — аккомпанировал местному хореографическому ансамблю; жена преподавала,

детей растили. В Дубках уникальная обстановка, это такое изолированное от мира, очень уединённое место, красивейшая природа, которая вдохновляет. Я много сочинял, жаль, не всё записывал. Сейчас пытаюсь восстановить. В 1997 году Жан-Мишель Жарр давал концерт в Москве на Воробьёвых горах. Я специально приехал к родственнику в Махачкалу, у него был «НТВ-плюс», и я надеялся, что концерт покажут на музыкальном канале. К сожалению, показали лишь небольшой фрагмент в новостном сюжете. Но для меня тогда даже это было подарком. Я знал, что могу писать такую музыку, и исполнять её тоже могу. Но, увы. Это было так обидно... Хотелось оставить музыку навсегда. Квартиру в Дубках мы продали, уехали в село, я купил у одноклассника дом, машину тоже купил, но потом продал, чтобы приобрести домашнюю студию.

— **То есть с музыкой вы решили закончить, но студию всё-таки купили!**

— Точно. *(Смётся)*. Я думал заняться строительством или сельским хозяйством. Даже что-то попытался начать, но отец сказал: «Занимайся тем, чему учился».

— **Наверное, будь на месте Абдулпатаха Дациевича кто-то другой, сказал бы: «Наконец-то сын бросил свои глупости и нормальные деньги делать будет!».**

— Да, он понимает, как много музыка для меня значит. Меня уговорили преподавать в школе искусств хотя бы временно, потому что педагогов не хватало. Я вёл класс гитары. Гитара, по моим наблюдениям, самый популярный инструмент — что в городе, что в селе. Тогда как раз появился интернет, поэтому вечерами я бродил по разным музыкальным сайтам. Однажды наткнулся на фламенко. Увлёкся страшно! Стал читать, узнал, что у него арабские и цыганские корни. Вообще, именно во фламенко, как мне кажется, вся европейская, американская музыка и восток в миниатюре. Фламенко — народная музыка, поэтому она так близка мне. Восточные интонации фламенко во многом схожи с нашими национальными мелодиями. Это и натолкнуло меня на мысль интерпретировать их и трансформировать агач-кумуз для их исполнения. Если у Мальмстина неоклассик-рок, у Пако де Люсия — нуэво фламенко (*nuevo flamenco*),

у Пьяцоллы — танго нуэво (*tango nuevo*), то у меня, получается, нуэво лезгинка! Фламенко — это импровизация, там можно всё!

— **У вас замечательно получается играть фламенко и не только, выступали бы как гитарист, зачем вам понадобился агач-кумуз?**

— Как бы я ни старался, лучше, чем испанцы, я на гитаре не сыграю. И никто не сыграет. Потому что у них это в крови. А кумуз для нас, дагестанцев, как гитара для испанцев — родное, понимаешь? У каждого инструмента есть своё место и своё время.

— **По-вашему, сейчас в Дагестане время кумуза, хм... Получается, что вы пришли к народной дагестанской музыке через классику, рок и электронную музыку. Вы переделали кумуз для своих выступлений. Чем вас не устраивал обычный вариант?**

— Я и гитары переделываю, как это делают гитаристы, исполняющие фламенко, это даёт больше возможностей *(берёт в руки инструмент, показывает — пытаюсь понять)*. Тот кумуз, который большинство музыкантов использует сейчас, это не народный, а оркестровый инструмент. Как бы тебе объяснить... Он рассчитан на то, что будет звучать вместе с другими. Не соло. На нём играют медиатором, как правило.

— **Кстати, да! Не раз замечала, когда видела по телевидению выступления оркестров народных инструментов, что на той же домбре и даже гусях играют медиатором.**

— У классического агач-кумуза третья и четвёртая струны расположены тесно. Я их раздвинул, что позволило извлекать оттенки аккордов. Звук стал богаче, насыщенней... Внешне такой кумуз тоже более широкий, глубокий.

— **В республике есть мастера, делающие кумузы, или это почти утерянное ремесло? Какое качество у этих инструментов?**

— Мастера есть. Качество разное, конечно, но при желании найти неплохой инструмент можно. А это очень важно, если ребёнок занимается музыкой, сразу играть на хорошем инструменте. Кстати, кумуз в этом отношении ещё и дешёвый — это же не рояль.

— Вы педагог с большим стажем, работали и в селе, и в городе, как вы думаете, почему народная музыка, народные инструменты в Дагестане так непопулярны? Это при том, что у нас огромное количество так называемых «национальных» исполнителей.

— Потому что мало кто знает настоящую народную музыку, возможности народных инструментов.

— А они — безграничны?

— Да, они почти безграничны. Тот же агач-кумуз — инструмент самодостаточный, колоритный, его надо пропагандировать. Я в этом вижу свою миссию, если можно так сказать.

— Вы написали самоучитель игры на агач-кумузе. В чём его особенность? Почему — самоучитель, а не учебник или методические рекомендации для учителя?

— Я его ещё не дописал, но в целом он готов, вот, смотри (*достает из шкафа толстую тетрадь в клетку формата А4*). Вообще, учебников по игре на агач-кумузе нет, точнее, возможно, и были когда-то, но мне не попадались. Есть хрестоматия Шамасова и Асельдерова, которой пользуются во всех музыкальных школах республики. Но хрестоматия опять-таки для оркестровых инструментов, а собственно для народного строя литературы нет.

— Так почему всё-таки самоучитель, а не учебник? Вы ведь сами себе усложнили задачу.

— Я подумал, а вдруг где-то в аule мальчик захочет научиться играть, а педагогов нет, тогда самоучитель — именно то, что нужно. Я сам был таким мальчиком. Поэтому старался писать максимально просто и понятно, но при этом интересно. Там есть и рекомендации для педагогов. Я очень надеюсь, что мне удастся издать эту книгу, она действительно очень нужна Дагестану сегодня.

— «Башир Багавдинов абсолютно преображает музыку, которую исполняет, пропускает через себя тему, добавляет голоса, меняет гармонию. Произведение приобретает новые краски, оттенки, и в самом исполнении личное отношение автора очень ощущается», — это художественный руководитель Дагестанской филармонии, музыковед Ирина Нахтигаль так о вас пишет. Теперь я понимаю, что она имеет в виду. В прошлом году вы, как солист Даггосфилармонии, выступали в Рахманиновском зале Московской консерватории. Расскажите об этом.

— Играть в таком зале — большая честь для каждого музыканта. А для меня это выступление было особенным ещё и потому, что это был день моего 50-летия. Я сыграл на агач-кумузе свои сочинения «Дагестаночка» и «Сердце благородного джигита», и обработку знаменитой песни «По горным дорогам» Сергея Агабабова. Акустика потрясающая, микрофоны не нужны. Публика принимала очень тепло.

— Что вам больше нравится: преподавать или выступать?

— Сейчас хочется больше выступать, у меня накопилось достаточно материала, есть, что показать публике, чем её удивить.

— А публику надо удивлять?

— Думаю, да, зрители должны выходить с концерта, открыв для себя что-то новое, получив некий духовный опыт. Я много экспериментирую с народными мелодиями, обрабатываю их, обогащаю, заставляя звучать ярче, современной; приятно слышать, когда зрители говорят, что никогда не думали, что на кумузе можно исполнять такую сложную музыку. А она не сложная, она эмоционально насыщенная, гармонически построенная.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАГОМЕДОМ ГАМЗАЕВЫМ

Магомед Ахмедов

I.

Мой учитель Александр Алексеевич Михайлов, когда я учился в Литинституте, говорил, что у каждого поэта есть «своё, только ему предназначенное и обозначенное место в поэзии. Идущему вослед — и каждому! — тоже предстоят поиски своего места и муки самоутверждения».

Почти двести лет тому назад, когда вышла поэма Пушкина «Кавказский пленник», Петр Вяземский написал пророческую фразу: «Мы богаты именами поэтов, но бедны творениями». А наш великий современник Расул Гамзатов любил повторять: «Стихи есть, произведений нет».

Это маленькое вступление мне необходимо для того, чтобы начать разговор об аварском поэте Магомед Гамзаеве и об его книге «Городские горцы».

Настоящая поэзия неповторима, ибо неповторима личность, характер, судьба поэта.

Хочу процитировать полностью одно из ключевых стихотворений Магомеда Гамзаева в переводе замечательного русского поэта Юрия Кузнецова, чтобы наглядно показать истинность дарования и личностное начало поэта:

Когда же мы в горы вернёмся опять,
Чтоб прошлое внове с грядущим связать?
Когда же взойдём на родные холмы,
Забыв навсегда городские шумы?

Там предков могилы и вечный покой
Навеют нам мысли о воле святой.
Там с неба на землю так горы глядят,
Как будто вернуться домой нам велят.

Когда же мы в горы вернёмся опять —
О будущем думать, над прошлым рыдать?
И скалы и башен руины не раз
Отчёта пред богом потребуем с нас.

Кинжальные тропы и скалы, и льды,
Наверное, детские помнят следы.
Там наше начало и смертный конец
Молчат, отражаясь в зеркалах небес.

Когда же мы в горы вернёмся опять —
В кругу годекана хоть раз услышать
Высокие речи седых стариков,
Пока они живы на склоне веков.

Там дерево рода и в бурю стоит,
Там гордый орёл над горами парит,
Там матери наши печально поют,
Там девушки наши нас звонко зовут.

Когда же мы в горы вернёмся опять?
Чтоб всё остальное забвенью предать?

Лично для меня это небольшое стихотворение — и произведение, и творение поэта. На первый взгляд, здесь всё просто, но эта простота и ясность дают ключ к пониманию творческого поведения; талант поэта внутренне связан с жизнью народа, с духовностью ушедших поколений, покаянием, и «вечный покой навеют нам мысли о воле святой», и поэтому «и скалы и башен руины не раз отчёта пред богом потребуем с нас».

Я не люблю нынешнюю всякую поэзию, а люблю тех поэтов, которые без остатка сжигают свою биографию и судьбу в творчестве и ради творчества. Сюжет мысли данного

стихотворения близок мне узнаванием времени и родины, здесь поэт говорит теми единственными словами, которым можно доверять, сказать правду.

У поэта бывает только собственная вина перед жизнью, судьбой и божьим даром.

В поэзии последнего десятилетия конфликт происходит не между истиной и ложью, красотой и безобразием, а между талантом и бездарностью. Когда поэзия теряет осознание своей правоты, появление такого поэта, как Магомед Гамзаев, даёт надежду на возвращение утраченной силы поэтического слова:

Не конец ли света, в самом деле, близится?
И страхом обуян,
Я молю в наставшем беспределе:
— Защити, Всевышний, Дагестан!
Нынче много развелось пророков,
Набивать гораздых свой карман.
Я молю:
— Спаси нас от пороков,
Защити, Всевышний, Дагестан!
(Пер. Я. Козловского).

Французский режиссёр армянского происхождения Анри Верный сказал: «Ненавижу тех, кто без устали повторяет: “Мы маленький народ”». От подобного рефрена даже большой народ станет маленьким. Скулёж столь же скверен, как и самодовольство, самоудовлетворённость. Растить надо ввысь, безостановочно и постоянно. Иначе — конец, иначе — смерть».

То же самое можно сказать и о поэтах, которые не видят дальше своего носа и довольны своим маленьким существованием в большой поэзии. Их сегодня развелось очень много — и только от их самодовольства и самоудовлетворённости.

Они не умеют молиться, страдать, любить и петь, и никогда их сердце не полнится верою, любовью и талантом.

Сейчас наступило время активистов поэзии, и активны, как всегда, бездари. Говоря словами поэта: «Они бездарны, как беда, зато уверены всегда, несут бездарность, словно знамя». Ну, Бог с ними. Они всё равно останутся за чертой поэзии. Они должны быть, чтобы узнать цену настоящей поэзии:

Привычно для белого света
Под вечным дозором луны
О том сообщенье, что где-то
Низвергнут правитель страны.

И сердце моё, как держава:
На трон, что охвачен огнём
Имеет бессрочное право
Любви самодержца в нём.

(Пер. Я. Козловского)

II.

Я, как сегодня, помню ту зимнюю ночь, когда ко мне в Дом творчества писателей «Малеевка» приехал молодой, красивый, двадцатилетний Магомед Гамзаев. Он принёс с собой горскую бузу и горское сушёное мясо, и, самое главное, стихи. Мы до утра читали стихи, вернее, читал он, а я слушал. Хотя и прошло с тех пор много времени, до сих пор во мне звучит взволнованный, чистый и честный голос — голос поэта настоящего.

Со временем его поэзия приобрела внутреннюю уверенность и зрелость, личностное начало и масштаб, но не потеряла той взволнованности, искренности, ясности и чистоты.

Гамзаев пишет мало. Но, как говорят, мал золотник, да дорог. Мне кажется, что он пишет мало не оттого, что нечего писать, а оттого, что знает цену истинному слову. В предисловии к книге М. Гамзаева Расул Гамзатов пишет: «Трудно в Дагестане быть поэтом — его сразу принимают или отвергают. Магомеда приняли с радостью и простые читатели, и суровые критики. До него среди молодых аварцев не было поэта изящного слога, чеканного звучания. Простота и ясность мысли и чувства — вот главные черты его поэзии. Он тонко чувствует время, боль и тревогу сегодняшнего дня, они проходят через его сердце, оставляя следы в стихах. Поэт умеет спокойно смотреть с земли на небо и с неба на землю. Религиозная тематика его стихов не искусственно созданная ситуация, а естественная необходимость веры, надежды, любви.

Гамзаев — тонкий лирик. Его поэтическое «Я» сочетает в себе и музыку аварского языка, и чистоту стихотворной речи».

Как всегда, и здесь Расул Гамзатов прав, действительно, «он тонко чувствует время, боль и тревогу сегодняшнего дня», действительно, они проходят через его сердце, оставляя следы в стихах»:

Кричит ворьё, не зная страха:
«Шамиль, Шамиль!» Но то забыли,
Что если б встал Шамиль из праха,
То им бы руки отрубили.

Естественность, открытость, полное доверие, умение всё измерить на сердце и на глаз, пережить, почувствовать сердцем себя и мир — вот главные черты поэта М. Гамзаева.

«Поэзия останется всегда той, превыше всяких Альп прославленной высотой, которая валяется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы её увидеть и подобрать с земли...» — сказал Б. Пастернак.

Эта «прославленная высота, которая валяется в траве, под ногами» не всем доступна; чтобы подняться на эту вершину и овладеть этой «прославленной высотой», нужно иметь, прежде всего, честь и мужество вершинного выражения любви, где символом становятся неповторимость и значимость чувства, где вечным становится связь слова и жизни, сложность переживания и простота выражения:

Снег скрипит и стонет под ногами,
А дом далёк — и так за годом год, —
Вершины лет занесены снегами,
И в неизвестность белый конь несёт.
Снег скрипит и стонет под ногами,
Я счастлив, что на жизненном пиру
Не позабыт друзьями и врагами,
Любим тобой. И с этим я умру.

(Пер. В. Бояринова)

Для поэта необходимо узнавание себя. Настоящий поэт легкогорим, не обласкан жизнью, но добр и великодушен, его стихия — это внутренняя жизнь человека, душевные драмы, трагические потери, выраженные внешне спокойно, сдержанно, внутри всегда кипят и при этом всегда остаётся какая-то недосказанность, мгновенность. Поэзия Магомеда Гамзаева человечна, а человечность его стихов поэтична. Он живёт, как пишет, и пишет, как живёт. У него нет пропасти между жизнью и стихами. В «Песне паломника» он говорит:

Так за грехи принял я покаяние,
Тело утешил, рождённое тлеть.
Шумным застолям сказал на прощанье:
Годы идут по дороге на смерть.

Я просветлел в Аравийской пустыне,
В Мекке святой я губами приник
К камню Каабы — небесной святыне
И ощутил, что вся жизнь наша — миг.

Так за грехи принял я покаяние
Может, Всевышний простит моё зло.
Богу я сердцем открылся в молчанье,
В этом спасенье — и в сердце светло.

Прекрасно. Верно сказал другой поэт: «Каждый пишет, как он дышит, каждый дышит, как он пишет».

III.

Конечно, только на родном языке можно думать и страдать; переживания, мысли, раздумья можно перевести на другой язык, но стук сердца, вздох и выдох перевести невозможно.

Магомеду Гамзаеву повезло с переводчиками — его книгу на русский язык перевели: замечательный русский поэт Юрий Кузнецов, незабвенный и неповторимый Яков Козловский, а также русские поэты Владимир Бояринов и Владислав Артёмов. Они постарались, и им во многом с блеском удалось сохранить «его поэтическое «Я», сочетающее в себе и музыку аварского языка, и чистоту стихотворной речи:

... Я дверь открываю в родительский дом,
В себе закрываю мучительный дух.
Склоняюсь над старым святым очагом
И камень слетает с души, словно пух.

«Дом»
(Пер. Ю. Кузнецова)

... Вновь захожу у края небосвода,
Как принято, в мечеть без башмаков.
А в ней, седобородых, год от года
Становится всё меньше стариков.

«Батлукские старики»
(Пер. Я. Козловского)

... Стали мечты одиноки,
Взгляд на прошлом застыл.
О, путеводная память,
Дай мне прозреть!

(Пер. В. Бояринова)

... Что сильнее — плоть или дух?
Кто вернее — враг или друг?
Что слышнее — вдох или крик?
Что длиннее — век или миг?

(Пер. В. Артёмова)

Остаётся добавить, что Магомед Гамзаев родился в селении Н. Батлук Шамильского района. На родном языке были изданы сборники его стихов «Грани» и «Чётки и струны»; им переведены на аварский язык стихи Абу-Али-Маари, Дж. Руми, Омара Хайяма, А. Блока, В. Набокова; он член Союза писателей и Союза журналистов России; книга «Городские горцы» — его первая, и, как мы видим, удачная книга на русском языке.

М. Гамзаев — поэт, и этим он интересен. Мы всегда опаздываем, чтобы хорошему поэту сказать доброе слово, вовремя его поддержать.

Он мой друг, и в жизни и в поэзии, и я горжусь этим.

Хочу повторить слова, сказанные мной М. Гамзаеву когда-то: «Настоящие поэты не могут ходить стаями и ищут остров одиночества, где готовят себе пищу на костре таланта. Всё забывается, а их одиночество и талант остаются».

Дело поэта — это личная жизнь в истории и во времени. Когда эта жизнь становится судьбой, поэт выигрывает. Уверен, что поэт Магомед Гамзаев выиграет и останется верен своему таланту и слову:

Но, как прежде, мудрецы аула —
Старики пришли на годекан,
И кизячьим дымом потянуло...
Защити, Всевышний, Дагестан.

От людской вражды разноплеменной
Всем даруй нам верный талисман.
Свадьбы день торопит пусть влюблённый...
Защити, Всевышний, Дагестан.

Сопредельный небу с дня творенья,
Ты во славу шамилёвских ран,
Как своё прекрасное творенье,
Защити, Всевышний, Дагестан!

(Пер. Я. Козловского)

Поэзия не терпит равнодушие ни к человеку, ни к народу, ни к Родине. Магомед Гамзаев добавляет к свету родины частицу собственного света, просвечивая истину, и дарит душу свою родине. Стихи его — плоды вдохновения, а вдохновение — это благодать и божий дар. В его поэзии, иногда мгновенная вспышка интуиции, как молния в небе, зажигает не только огонь предчувствия и тревоги, но и защитную молитву для нас, где в согласии и в ладу звенят струны любви, напевая мелодию молитвенных чётков, где поэт «захвачен битвой меж напевом и молитвой».

На запредельной стороне
Яснее станет всё земное,
И свет пронзит туманный берег
На запредельной стороне.

Храни, Всевышний, моего друга — поэта Магомеда Гамзаева.

Магомед Бисавалиев

Как Будус «оседлала» мужа

— Наши джурмутские женщины были кроткого нрава, покладистые, хотя бывали случаи, когда некоторые брали главенство в семье. Это особый такой тайпа-тухум (порода) женщин, которых сложно подчинить. У нас такие очень редко встречаются. Именно такой женщиной была Будус...

— Кто???

— Будус... Не наша она, не из Джурмута, она — тлянадинка. Не в смысле, что у них все такие, а в смысле, что она была оттуда (Тлянада — одно из обществ Антратля, которое находится в верхнем участке Тляратинского района, ближайšie соседи общества Джурмут). Как только Будус не мучила бедного мужа. Вдобавок к её необузданному характеру, коварству и дерзости, она ещё была на короткой ноге с шайтанами, они приходили ей на помощь, когда надо было кого-нибудь наказать, — говорит тётя.

Я начинаю смеяться, она с недоумением смотрит на меня.

— Неудивительно, — отвечаю я тёте. — У тебя, о чём бы мы ни говорили, везде шайтаны выскакивают. Я слышал об этой Будус, имя слышал, слышал один случай, как она ночью ходила на мельницу и как там мучила несчастного мужа. Подробности не знаю.

Дальше привожу рассказ тётя.

«Как рассказывала покойная бабушка, у Будус была связь с шайтанами. Люди заметили много загадочного в ней, и решили, что она, возможно, пользовалась этим и без постоянной связи с шайтанами. Верили тому, что она могла ночью встать и из селения Гортноб (село Джурмута) направиться одна в Тлянада. Расстояние между ними — около 15–20 километров, для неё не имело значения. Лето стоит или зима, по страшным тропам взбиралась она в горы, спускалась в ущелья, через леса и пропасти шла одна. Вряд ли какая другая женщина могла пойти так.

Моя покойная бабушка рассказывала, что её мать знала Будус, и они были даже в приятельских отношениях. Спросила прабабушка как-то у Будус:

— Как ты можешь ходить по этим страшным тропинкам через тёмные леса и пропасти, где за любым поворотом можешь нарваться на медведя или волка? Ты всегда ходишь ночью. Медведи-то ничего, а джиннов не боишься ты, Будус?

Так и спросила моя прабабушка. А Будус в ответ расхохоталась:

— Ночь и шайтаны — мои попутчики в Тлянада, днём они исчезают, поэтому я люблю

отправляться в путь, как стемнеет. Медведей я не раз встречала, они не хотят со мной ссориться, уступают дорогу, тихонько уходят в свою берлогу или за деревьями в лесу исчезают. А с шайтанами разное бывает. Вышла я однажды в сумерки из Гортноба и решила пойти в Тянада. Я была одета красиво, на поясе звенели серебряные погремущки, для надежности сверху на пояс завязала горменду и через горменду нацепила серп для сенокоса и небольшую верёвку. Их я взяла, чтобы на обратном пути скосить и принести сено для своих телят. Была ранняя осень. Холодная, лунная ночь. В горах в сентябре становится холодно, появляются первые признаки скорой зимы. Только я повернула за тянадинский мост и спустилась к опушке леса, слышу, там свадьба идёт всюю. Зурна, барабан, песни и свист доносятся со всех сторон, а на поляне ни одной живой души. Я сразу поняла, что шайтаны решили поиграть со мной. Такое часто бывало. Когда дошла до середины поляны, не удержалась, пустилась в пляс под зурну и барабан. Свист и крики всё усиливались и усиливались. Как пошла по второму кругу, танцевать со мной выскочил красивый мужчина в белой черкеске. И вдруг под ритмичный танец и овации свадьбы джинны запели хором:

Ракьчухъ бугаб кIатI-кIатI бахъи,
гъайбатай, гъайбатай...

Гарцул камар,
хъахIаб гурма дуа рокъолу боъла,
Ад бухъараб рохъен бичи,
жаб дуй бегъу болару.
Ракьчухъ бугаб кIатI-кIатI бахъи,
гъайбатай, гъайбатай гъайбатай...

Песня разлеталась повсюду и, удвоенная эхом, возвращалась, оттолкнувшись от отвесных скал, из тёмных пропастей. На шайтанском сухбате (вечеринке) танцевала Будус. Шайтанская молодёжь не выпускала её со свадьбы. За верёвку на поясе дёргали, замуж звали, танцевать заставляли. Когда много их стало кругом, Будус пригрозила им, и они отстали...»

Мне стало очень смешно от слова «пригрозила». Прервав тётю, спрашиваю:

— Чем же она на шайтанском сходняке могла им пригрозить?

— А ты смысл песни хоть понял? Из слов понятно, что шайтаны её боятся! — говорит тетя. — Когда она пошла в пляс, запели они.

В переводе песня звучит примерно так:

То, что болгается за поясом, развяжи,
красивая, красивая.
К белой шали и поясу в серебре
Не подходит то, что ты привязала к верёвке.

**То, что болтается за поясом, развяжи,
красивая, красивая, красивая...**

Вот и вся песня. Слово «красивая» повторяется несколько раз, это для звучания песни. Чего же боятся шайтаны? Они боятся серпа, который у неё под поясом. «КлатI-клатI» — это то, что торчит из-под пояса (буквальный перевод). Как говорят в горах, шайтаны боятся металлического.

— Помнишь, тебе маленькому, когда за овцами или ещё куда-нибудь вечером шёл, бабушка пихала в карман нож, чтобы шайтаны не навредили?

Тётя продолжила свой рассказ.

— Вот так и ходила Будус, летом ли зимой — без разницы, в основном ночью, в Тлянада и обратно.

— Как она могла ходить одна, будучи замужем? Как муж её терпел и не разводился? — опять прерываю я.

Тётя терпеливо продолжает:

«Говорят, она с самого начала приручила его. Однажды муж побил её: почему, мол, без моего разрешения ты ходишь ночью непонятно куда. Будус ответила ему: «Мои друзья с того мира (шайтаны) не простят тебе того, что ты сделал».

Он не обратил внимания на её слова.

Однажды ему пришлось пойти на целую ночь на мельницу, чтобы перемолоть зерно. После полуночи Будус пошла туда же, воткнула большой камень в открытые деревянные трубы, откуда шла вода на мельницу, и спряталась за кустами. От недостатка воды мельница остановилась. Муж Будус зажёл лучину и пошёл вдоль трубы посмотреть, не застряло ли что. В это время в него полетели камни, щебень и гравий — всё, что она могла бросить.

Муж от страха побежал обратно к мельнице, закрылся в ней и не высовывался до утра. Утром он рассказал Будус о непонятном камнепаде и нападении на мельницу и попросил прощения у неё. Муж стал ручным, и Будус свободно ходила ночью, по одной версии, к шайтанам, по другой... непонятно, куда она ходила.

Ещё говорят, что она была внешне хороша. Глаза у неё были светло-голубые, огромные, но когда она рассказывала о шайтанах, они становились большие и страшные, а голос — тихим, хрипловатым.

Детей у неё с мужем не было. Она его не только шайтанами пугала, говорила, что есть много мужчин, готовых на ней жениться. Есть даже песня её, которая сохранилась по сей день, где она пренебрежительно обращается к мужу и открыто говорит, что она с ним временно, пока не найдёт себе мужа получше. За подобное, по праву горцев, должно было убивать, а Будус убить не смогли. Она взяла верх над адатами и шариатом своим неугомонным и буйным характером. Послушай её песню — обращение к мужу:

**Дун мун вакбу толу егърайги гуру,
Вакъанав щвезигIан лъураб магъари.
Чатамануб энкел, мун чадад чIваяб,
Чам къояль балана, экъаб жинсалъа?**

В построчном переводе это звучит не так красиво, многое теряется, но смысл таков:

**Не от любви я вышла за тебя —
Махар заключён, пока не найду любимого.
Потник для седла, чтоб тебя другие носили,
Сколько же мне смотреть**

на кривую рожу твою?

Рассказывали, что как-то ночью, ещё до рассвета пошла Будус за село, туда, где сено косили; разделась догола, распустила волосы и так побежала навстречу женщинам, которые шли на сенокос. Те от страха кинулись домой, крича о привидении. Всё село туда отправилось. А подойдя, увидели Будус. Она траву по кругу покосила и отметила свои границы, чтобы другие не забрали хорошее место. На вопрос, видела ли она голую женщину, совершенно спокойно ответила:

— Мы только что расстались, она жена Далгата.

— Какой Далгат? — спросили её люди.

— Не наш, их Далгат. Он хан шайтанов; женщина, которая утром тут голая бегала, это жена его. Она моя подруга, — сказала Будус и продолжила косить.

...Историй про Будус много разных рассказывали, её имя на слуху было. Но память моя ослабла, ничего не помню: ни сколько она жила с мужем-джурмутцем, ни каков был их конец», — завершает свой рассказ тётя.

Пусть армянин позаботится

У многих пословиц и поговорок есть своя предыстория. Просто так ничто не появляется. Например, у джурмутцев есть такая поговорка: «Байби ургъил эрбенияса» (Пусть об этом позаботится армянин). Что за армянин? Откуда он возник в Джурмуте, вроде бы и не граничим мы с Арменией.

Мне недавно рассказали историю появления этой поговорки, делюсь с вами.

В старину джурмутская молодёжь от скуки часто устраивала сухбаты (вечеринки). Разводили костёр на открытой площадке в центре аула. Под зурну и барабан танцевали лезгинку. Самые отчаянные парни в азарте танца перепрыгивали через огонь. А девушки держали дистанцию, к костру не приближались. Как-то была на сухбате избалованная девица знатного, богатого рода, увешанная серебром и золотом. Подошёл к ней один из танцоров и пригласил на танец. Красавица в золоте пошла в пляс, словно бабочка порхала она вокруг костра.

Ритм танца всё ускорялся, расстояние между костром и девушкой всё уменьшалось, она кружилась и кружилась. И в какой-то момент её роскошное платье коснулось пламени костра, вспыхнуло, и огонь перекинулся на девчонку. Женщины с кувшинами воды, мужчины с бурками бросились спасать её. Не успели сбить с неё пламя, как она вновь закружилась в танце ещё ближе к огню. Танцем красавицы любовались не

только собравшиеся на сухбат, но и аульчане, со своих плоских крыш, наблюдавшие за весельем. Вдруг с одной из крыш закричали:

— Огонь!!! Огонь!!! Ещё чуточку подойдёшь, сторит в огне твоё дорогое платье!

В ответ девушка бросила ставшие поговоркой слова:

— Байби ургъил эрбенияса (Пусть позаботится армянин).

Дело в том, что каждый год весной через перевал в Джурмут приходил армянин с белой кобылицей. Все женщины села, начиная с девчонок, что только научились ходить, заканчивая старухами, которые уже готовились к последнему пути, ждали его прихода. Ведь и на спине кобылицы, и на собственной спине нёс он товар — дорогую ткань и платья для девушек. Позволить себе такие покупки могла не каждая женщина в Джурмуте, но всем хотелось хотя бы поглядеть на расшитое золотом платье, погладить рукой разноцветные отрезы шёлка, атласа и бархата.

Богатая, избалованная танцовщица, которой родители не отказывали ни в чём, бросила те слова, чтобышний раз подчеркнуть свой статус, богатство и важность своего рода. По сей день их произносят в Джурмуте по поводу дел, не касающихся говорящих:

— Мне-то что, не моя печаль, байби ургъил эрбенияса (пусть позаботится армянин).

Аминат Абдурашидова

Я поздно выбралась...

Я поздно выбралась
из склепа городского,
где мало выбора —
и смрад, и чад там снова.

Я поздно выбралась —
зажгите Солнце, ну же...
Ни зги не видно...
Свет и воздух нужен!

Я поздно выбралась
из плена полусвета,
из полумглы реклам
соблазнов и запретов.

Я поздно выбралась
в сады, где цвет отчизны,
я поздно выбралась
из-под обломков жизни...

Мне тяжело дышать,
замёрзла в мрачном склепе —
скорее, Солнца мне —
во всём великолепии!

Я поздно выбралась,
прочь лабиринт неволи,
скорее, поле мне —
простое наше поле!

К камням приникну
и деревьям рада.
Скорей из города,
из выхлопного смрада!

За сумерек черту,
из злого круга,
предательства
и вероломства друга...

Мы

На чистых душах наших расписалось время.
Чернила — кровь. Кинжал — перо. И нам с тобой
зачитан приговор, что вырезан в знаменьях.
Мы — меченые горем и войной.

В глазах — не блеск, а отблеск всполохов и взрывов.
Пускай клянётся ложь, воняя за версту, —
пощады нет гангренам этим лживым,
пусть говорят о праве гнить и гнусь плетут,

мы с плотью вырежем — пусть истекая кровью,
исхлётанные свистом пуль и зла
и воем матерей погибших, чьей любовью,
превыше жизни Родина была.

Побед озон вдохнём, едва отбредут громы.
Короной чести пусть венчается душа.
Бойтся правды ложь — мы присягнули дому,
мы присягнули, и враги не устршат.

Мы юность дарим лишь единственному долгу.
Печать на душах. Время не берёт нас в плен.
Вердикт подписан. Нас у времени не много,
но жизни времени мы отдаём взамен.

Трость

Согрела семечком меня душа земли,
я ввысь тянулась, будто обретая крылья.
Весенний ветер мне тогда благоволил
и с солнцем вешним крепко мы дружили.

Покрылся ветками едва окрепший ствол,
играя с ветром и рассказывая сказки —
мол, счастье есть повсюду, и удача, мол, —
росли и крепили ветви без опаски.

Дружили с птицами и наполняли мир
весёлым гомоном, был день другого лучше...
Вдруг потемнели небеса в единый миг,
всё непроглядная закрыла туча.

Нежданной молнией глухой удар пришёл,
шарахнул прямо в сердце злой и чёрной вестью.
Переломившись, рухнул наземь бедный ствол,
и ложными друзьями в душу влезть и

мне плоть подтачивать пытались черви и
тяжёлый груз обид и привкус горькой боли.
Но старый мастер ветки обрубил мои
и раны густо обработал солью.

Дрожа от муки, я молчала, словно мим,
и голос мудрый призывал меня к терпению.
Рисунок боли этой выдался таким,
что зрители взирают с восхищеньем.

Я стала тростью. Я – вне чувств и вне страстей.
Могу опорой стать и отогнать лихое,
могу насечкой тонкой восхищать людей
и радовать своею красотой.

Сумерки

Серый день в накидке из дождя,
мокнул гнёзда...
Плачет в небо иль с небес сойдя
ливень слёзный?
Бог устал от монотонных просьб
бесконечных,
от проклятий и от тихих слёз,
слёз сердечных.
Что душа? На ней довольно ран
хоть бездонна.

Только б не промок запас семян,
припасённый.

На семи ветрах пусть не в мехах
дух и тело,
на ветрах зато и шелуха
разлетелась.

Я возьму семян отборных горсть —
сердца резче
пульс ростков, лишь только б удалось
уберечь их.

Лишь бы чёрных птиц зловещий душ —
стаи, стаи —

лишь бы только зёрна наших душ
не склевали.

Каплет с неба словно водосток —
тополь знает —

я на крону неба туч платок
намотаю,

день пройду и ночи перейду
грусти прежней,

но трещит под грузом чёрных дум
ветвь надежды...

Повторяет дождь в мольбе одно,
хмари выше:

«Неужели Богу всё равно,
Бог не слышит?..»

Башня

Я — башня, а значит
на пике скалистом
лишь солнце оплачет
надежды лучисто.

а сад одичавший –
лишь осени звуки,
лишь листья летят
на кремнистые руки.

Где реял, как знамя,
огонь поцелуем —
лишь ветер печали
на камни подует,

где чувства горели —
там долгие годы
лишь пепел свободы,
лишь пепел свободы.

Из мелодий нежности моей...

Из мелодий нежности моей
соткала я песню, как мечту.
Пусть к созвездиям летит скорей,
задевая каждую звезду.

Песня — словно луг альпийский в цвет.
Красочных оттенков круговерть,
аромат медовых слов в куплет
я вплету, чтоб о любви пропеть.

Что за сила в чувстве этом есть!
Свет вначале, темень на краю...
Звуки песней отовсюду здесь
льются в душу кроткую мою.

Нет тебя — я не могу дышать!
Нет тебя — тоска кругом и мгла.
Сердце бьётся, пятый день молчат
с болью о разлуке зеркала...

По туманам вьющимся пройдёт
песня, успокоив шар земной,
что неволе (нечет или чёт?)
предпочли свободу мы с тобой...

Что за сила в чувстве этом есть!
Свет вначале, темень на краю...
Звуки песней отовсюду здесь
льются в душу кроткую мою...

Песня и Танец

В подлости людской, которой много,
расплескавшейся от сих до сих,
тонут дружно заповеди Бога —
пошлый душит вольных и живых.

Каркнул ворон — вот и всё искусство —
Соловей сравнится ль клювом с ним?
Льётся песня, но такое чувство,
песню Солнца он поёт глухим...

Вы, кто тащит яркие алмазы
в гнёзда, унавоженные в хлам!
Путь к вершинам вам навек заказан,
не достичь вовек несчастным вам!

Вам, привыкшим жить в грязи деяний,
Истина — не мёд, скорей «пурга».
Дикими вам, низкие созданья,
кажутся альпийские дуга.

О любви поёте, что о манке —
маргарин просрочен и пахуч.
Пусть о чувстве говорят подранки,
что не раз срывались с горных круч.

Вам ли знать, как сердце бьётся громко,
за любимым устремившись вновь.
Жизнь — любовь! Любовь — весь мир, не только
муравейник тёмных городов!

Наша песня не творила торга,
не гламурна в профиль и анфас.
Было в ней достаточно восторга,
ненависти было в самый раз.

На вершине горной, на изгибе,
там, где свет противоречит мгле,
Танец всех, готовых на погибель
за любовь и правду на земле.

Ску-ко-та

День уснул за дальней лужей,
ветер рвёт ночную высь.
Мошकारа сомнений кружит,
воет пёс про злую жись.

В мире нет таланту места,
сквозь расщелину тоски
мишурой сверкают пресной
золотые медяки.

Мёд акации пристрастен:
весь в шипах её дымок.
Скучно жил, мечтал о счастье
скучно сорванный цветок.

Кот с собакой делят что-то —
жизнь до одури проста.
Скукотища и болото.
Ску-ко-та...

Перевод
Тимура Раджабова

ТЕАТ
ПОЭЗИ

АТР
ВИИ

ТЕ
ПО

Р
ВИИ

